

18+

АЛЬБА ДЖЕЗ

ИЛЛЮЗИЯ
СПРАВЕДЛИВОГО
МИРА

Альба Джек

Иллюзия справедливого мира

«Издательские решения»

Джез А.

Иллюзия справедливого мира / А. Джез — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Арлахазар — существо, которое создали, чтобы убеждать. Но когда враг похищает его сына, из дипломата он превращается в охотника, чей путь ведет к мрачным секретам, к технологиям, переписывающим сознание, и знанию, способному уничтожить мир. Каждая правда глубже и опаснее предыдущей. Чтобы спасти ребёнка, ему придётся разрушить систему, частью которой он был, и выступить против силы, многократно превосходящей все, что он может себе вообразить... Это история о возможности повлиять на неизбежное.

© Джез А.

© Издательские решения

Содержание

1. Королевская свадьба	6
2. Необратимый естественный ход вещей	17
3. Потерянный рай	24
4. Король прогресса, прогресс короля	34
5. Прерванное прощание	38
6. Тот, кто не должен дать огню погаснуть	44
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Иллюзия справедливого мира

Альба Джек

© Альба Джек, 2026

ISBN 978-5-0070-1252-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Королевская свадьба

Ледяной ветер треплет мою гриву, я прижимаю уши, чтобы холод в них не задувал. С моими ушами связаны десятки смешных историй и весьма трагичных глупостей, но шутить про них — плохая идея, как и про что-то другое, что со мной связано. Я вам не шут.

— Растопырь лопухи — доберешься до Окесы в минуту, как на парусах — смеется Марта. Ей можно.

Мои уши изорваны почти что в лапшу. Если верить теории эволюции, мой вид через много поколений лишится столь далеко идущей черты — она не практична. Сколько раз их рвали в драках, сколько было инфекций и обморожений. Да что уж, я сам себе враг в вопросе своих ушей — я калечил их о ветки, царапал расческой, как-то раз на одно наступил. Но я первый шедевр геной инженерии с такими признаками, мне можно простить пару атавизмов.

Однако, это вовсе не смешно. Особенно, когда наступаешь сам себе на ухо. Никому такого не желаю. Именно из-за всех этих историй, я держу уши опущенными практически всегда, если только не нужно к чему-то прислушаться.

Марта собрала волосы в полухвост, оставив по бокам немного прядей, чтобы закрыть уши, которые у нее совсем не рваные. Я могу понять то, что ей не приходилось попадать в драки, но ума не приложу, как ее уши миновали досадные недоразумения, которые не пощадил меня.

Мелкие льдинки волочатся по земле, увлекаемые потоками воздуха. Я смотрю на них с балкона из белого мрамора. Марта следит за моим взглядом и тоже смотрит на каменную мостовую. Пододвигается ко мне и заворачивается в мое крыло — греется. Я обнимаю ее одной рукой, вторая занята расческой.

Я вышел из тронного зала проветриться. Не физически. Моя голова перегружена информацией. Столько гостей, у каждого своя биография, каждый второй плетет интриги, каждый первый имеет далеко идущие амбиции, и обо всем надо быть в курсе. Все слушать и слышать. Замечать знаки. Моя голова привычна к такой работе, но ей тоже иногда нужен глоток тишины при таких погружениях. Я расчесываю волосы машинально, без особого смысла, как будто это поможет распутать мысли в голове.

Мы с женой приехали почтить свадьбу короля своим присутствием. И выполнить важную миссию, о которой никто не узнает.

Мерцающее сияние проползает вдалеке, как сонный бестелесный слизень, по бледно-фиолетовому небу, размеренно и вяло сыплющему редкие снежинки нам на головы. Словно кто-то наверху посыпает славный город Биверн сахарной пудрой. Я не спешу возвращаться в зал, где танцы и музыка, где все веселятся и пьют.

Над дворцом медленно и неуклюже пролетает дирижабль, перекрывая своими толстыми боками свет. Из всех окон подвешенной к нему кабинки высунулись люди: стараются урвать каждый порыв ветра. Какой-то отчаянный смельчак залез на вершину шара и стоит, растопырив руки. Интересно, ползет ли за ним помощник капитана, или накажет за нарушение техники безопасности после приземления?

Налетает новый порыв ветра и путает мою расчесанную гриву. Я недовольно хмурюсь и начинаю все с начала.

— Как думаешь, много людей понимают, что случилось с первой женой короля? — спрашивает Марта, думая о чем-то своем.

Я пожимаю плечами.

— Мне кажется, у Саймона возникнут трудности. Молния не бьет дважды в одно место, — замечает она.

— У него все схвачено.

— А почему я, собственно, не в курсе? Меня эта часть политики тоже касается.

— Да, почему ты не в курсе? — я смотрю на нее.

Марта съеживается, хмурится, руки на груди скрестила, смотрит исподлобья. Еще чуть-чуть, и мстительно укусит.

Наши коллеги трудятся над подсаживанием на трон лояльного их политике персонажа. Это далекая перспектива, сейчас она на этапе «Не дать королю продолжить свой род». Мы такое уже практиковали в других королевствах: дело простое, спешить некуда.

Главным образом, этим занимается Саймон. Он наш самый великий медик. Среди людей зарекомендовал себя как победитель любых эпидемий, всесильный враг смерти, мастер сложнейших операций. Словом, могущество его впечатляет. Поэтому короли легко пускают его к себе и доверяют любые проблемы, в данном случае, связанные с продолжением рода. Утроба новой королевы под присмотром Саймона, как и предыдущей.

— Итак, резюмирую, — говорю я, убирая расческу, — Прощая жена оказалась бесплодна, Саймон, увы, не смог ее вылечить. За неимением детей, она возжелала заботиться о целых народах, начала совать нос куда не надо. Посему сошла с ума и... пропала. Новая, конечно, не может быть такой же бесплодной, плавно переходящей в безумную, как ты верно заметила про молнию. Так что теперь проблема будет в короле, это он не сможет быть осеменителем. Потому что он — старый пердун. Так ему и скажем.

— Это все еще звучит подозрительно, — замечает она, ее лицо мрачнеет.

— Так он правда переболеет болезнью, которая принесет ему бесплодие. По независящим от нас причинам, которыми мы как раз сегодня займемся, его шансы оплодотворить плодотворную новую жену снизятся до нуля. Так что на его место посадят его самого благородного сына, за неимением альтернативы.

— Огирлая?

— Именно. Мать у него, конечно, всего лишь княжна, и зачат он не в браке, но внебрачный ребенок с княжной — это же неплохо. Право на престол дает. При отсутствии более подходящего варианта, а его нет и не будет.

— Его брат нравится мне куда больше. Я слышала о нем. Он сейчас рыцарствует. Силен, хитер, ловок, дьявольски умен!

— Надеюсь, не слишком, — я поправляю волосы и запахиваю фрак. Холодно, жуть. С моего места видно, как за крепостной стеной парят люди на дельтапланах. Просто поразительно, как их увлекли полеты последние годы, — Но он сын какой-то простолюдинки. Его никто не воспримет всерьез.

— Народу он нравится.

— Кого это волнует среди власть имущих? Они же принимают решения.

— Ты, кстати, слышал про Авеля? Как с ним произошла такая ерунда? Обидно, глупо, стыдно за него.

Я пожимаю плечами. АVELь — наш коллега в области переговоров. Трехметровая рептилия с поразительной гибкостью. В основном, занимался безнадежными делами — по-соседски навещал королей, которые сотрудничать с нами не хотят и не захотят. На прошлой неделе гостил в Одаринне, в очередной попытке склонить зверян на нашу сторону.

Как и многие люди в последнее время, он тоже попробовал полеты на дельтапланах и увлекся. Безобидное хобби, думали мы. Пусть развлекается, главное, чтобы работе не вредило. Однако, очередной полет кончился его смертью. Несчастный случай, какая-то хищная птица напала на него, когда он зависал в небе после работы. Не надо было делать этого в непроверенных местах.

Вот у Биверна куча безопасных площадок, у Окесы есть, да что там, две трети городов континента уже исследовали воздушное пространство. Защитились от хищных птиц, воздуш-

ных ям, составили карты розы ветров с учетом всех возможных изменений, обновляют прогнозы погоды каждый день, кто-то каждый час, составляют маршруты для дирижаблей.

А в Одаринне такого нет, и нечего было там парить.

Мы не скучаем по нему — он был очень неприятным типом, но работал хорошо. Делал, так сказать, грязную работу. Ментально грязную. Я бы не хотел брать на себя его часть дипломатических миссий, все собеседники из его списка проблемные.

Но нам важно держать дружбу со всеми, даже если она не принесет выгоды. Так что мы претерпели большую потерю. Ведь теперь нам с Мартой придется получать больше дипломатических повесток, многие из которых совершенно лишены смысла, зато все мозги нам прополошут.

Мы с Мартой дипломаты, представляющие Техонсор — город к юго-востоку отсюда, оплот невероятных достижений науки, медицины, техники. Он опережает самые продвинутые города на пять сотен лет, не меньше.

Конечно, всем невероятно интересно, что же мы там изобретаем. И мы рады делиться — но не всем и не всегда, есть вещи, которые в неумелых руках создадут больше проблем, чем могли бы дать пользы.

Марта специализируется на медицинской части переговоров, поэтому где она — там чаще всего и Саймон. Можно сказать, Саймон — врач, она — продавец. Хотите купить бациллы туберкулеза, анестезию, средство от диареи? Не вопрос, поговорите с ней об этом. Обменять тысячу рабов на наш новый двигатель? Это можно, но не с ней.

Собственно, как раз вопрос двигателя у нас на повестке дня. Нам предложили расходный материал — людей, то есть. Хотят двигатель. Только мы его отдавать не желаем, мало ли что люди с ним сделают. Не хотелось бы увидеть его в новом оружии дальнего боя. Мы попробуем склонить их к более рациональному решению обменять у нас антибиотики, поэтому здесь Марта: это ее медицинская область.

Король Биверна уже раскатал губу на двигатель, его загребушие руки необходимо занять чем-то ценным, полный отказ его обидит. Я считаю, антибиотики — хорошее предложение, дураком будет, если откажется.

Я специалист по дружбе. Мне нравится, как это звучит. Я наделен шармом и обаянием, мои речи — сладкая истина, мои советы — путеводная звезда, мое общество не может быть переоценено. У меня для всех, в любой ситуации есть верное решение.

Это касается и королей, которые понимают после встречи со мной, что союз с Техонсором — блестящая идея. И это относится к простым смертным. Я произвожу впечатление по инерции, ведь никогда не знаешь, кто станет шишкой завтра. Так что бальзам на душу всем, бесплатно и без ограничений на количество — подходите, у меня его много!

Как я это делаю? Да просто говорю людям, что они хотят слышать. Ну, и немного психоэмоционального влияния. Иногда — много.

Мы с Мартой возвращаемся в зал. Я чувствую на себе лучи внимания и обожания людей. Можно сказать, здесь все видят во мне учителя, друга, спасителя, благодетеля. Кому кто нужен, для тех я тем и являюсь.

Здесь прохладно. Глупые человечки придумали делать на севере дома из камня. Я наступаю на мраморные плитки пола, как на обжигающе холодный лед. Мы с Мартой успешно рисуем на лицах доброжелательные улыбки, хотя от холода в лапах наши носы скукоживаются, как чернослив.

Нас увлекают в разговоры, пытаются развести в разные стороны, но скоро бросают эти попытки. Мы — образец вечно влюбленной пары, мы стараемся не размыкать рук, чтобы везде быть рядом. Потому что каждый из нас выучил только половину биографий гостей, о которых надо помнить все и в любой момент времени.

В этом одна из тонкостей дипломатии: каждый является уважаемой личностью, которую мы помним и очень ею интересуемся. Мы с Мартой должны демонстрировать интерес к здоровью отца вон того джентльмена, порекомендовать, где выучить ребенка этой уважаемой особы, поинтересоваться, чем кончилась история с сорванной помолвкой приезжей четы. И для этого мы должны помнить колоссальный объем информации о гостях. Было бы неловко спросить про отца, который давно умер и порекомендовать учебное заведение бездетным.

Сегодня гостей слишком много, мы не смогли запомнить всех. Поэтому, Марта выучила все про дам, а я все про господ. Вместе мы знаем все про всех, как будто мы дружим семьями и вхожи в их дома, как в свой собственный.

Зал был выточен из светлого мрамора — холодного, почти живого на вид. Высокие своды поддерживались колоннами с тонкой резьбой, где камень переходил в сложную лепнину: переплетения фигур, лиц и символов, уходящих вверх, в светлую гладь потолка.

Витражи сдержанных оттенков пропускали мягкий свет, который ложился на пол цветными пятнами. На стенах и потолке — фрески: сцены, в которых угадывались история и власть, но детали терялись в переизбытке символизма.

Где-то вне поля зрения звучал оркестр. Музыка была едва уловимой, словно вплетённой в сам воздух — она не отвлекала, но задавала ритм, под который двигался зал.

— Арлахазар, — прозвучало слева, — Хотите знать, чем закончилась та моя любопытная история с мадам из Дотха?

— Естественно! Но... Я тут с супругой. Понимаете? — я скромно улыбаюсь, мой собеседник что-то пытается предложить из серии «Да оставьте вы вашу супругу, пойдемте судачить о здоровом мужском промискуитете». Разумеется, другими словами, но смысл таков.

Однако, мне удастся быстро переключить его внимание на наши более старые разговоры о вожделенном для него совместном бизнесе с купцом из Гидепорка. Едва ли ему еще выдастся шанс пересечься лично со столь далеко живущей персоной, так что он уходит делать выгодное предложение, пользуясь случаем.

— Марта, Что это за ткань? Я хочу из нее платье по нашей моде! — кто-то сделал шаг навстречу с другой стороны, — Конечно, твой фасон тоже очень красивый, но я бы примерила эту ткань на наш лад.

Марта едва заметно улыбнулась, её голос мягко скользил мимо затягивающей болтовни, не давая зацепиться. Через мгновение собеседницу уже перехватил кто-то другой — разговор растворился, будто его и не было.

Так происходило снова и снова.

Нас знали. Мы знали всех. Но ни один разговор не удерживался дольше нескольких фраз. У нас была конкретная задача, все эти светские беседы не должны были отклонить нас от маршрута. Но при этом, нам было важно сохранять репутацию и дружественный тон с каждым. Это мы умели лучше всего.

На мне был чёрный фрак — строгий, подчёркивающий линию плеч и спины. Ткань сидела идеально, как футляр, совершенно не дающий пространства для движения. Я не мог расправить крылья в полной мере, впрочем, в пределах дворца мне это и не требовалось. Марта шла под руку со мной — в закрытом бежевом платье, лишённом лишней пышности, но от этого только более точном. И, хотя ее стиль выбивался из веяний времени. Линии ткани повторяли её фигуру, создавая ощущение сдержанной роскоши. Потому что, как сказала она, проведя один вечер в платье подходящего фасона, с десятком пышных юбок: «В гробу я видела так одеваться».

Легкое отступление от канонов местной моды было допустимо для нас. В конце концов, мы здесь не местные.

Мы двигались легко, почти бесшумно — лапы мягко касались мрамора, не издавая звука. Я уже поднял ногу для следующего шага, когда заметил движение.

Сразу несколько человек — в разных частях зала — почти одновременно сделали одно и то же: абсолютно синхронно замерли и сделали шаг назад, точно кого-то пропуская. В общем движении толпы по залу случился легкий сбой ритма, который не привел ни к каким изменениям, и, похоже, остался никем не замечен.

Только несколько человек. В синхронном воспроизведении одного и того же.

Угол поворота. Пауза. И возвращение.

Слишком точно, как будто сговорились.

Но, очевидно, никто из них не заметил. Они продолжили свою болтовню, поглощение фуршета и прочие глупости, которыми были заняты до этого странного эпизода.

— Видела? — тихо спросил я Марту.

— Странные вещи номер 447, — кивнула она.

Я уже не помню, как давно мы начали замечать странные парадоксы в поведении людей. Они могли делать абсолютно бессмысленные вещи, а потом вести себя так, будто ничего не было. Двигаться синхронно, не договариваясь. Замирать без причины, будто кто-то поставил их на паузу. Это никогда не вписывалось в контекст, не замечалось ни ими самими, ни окружающими. Похоже, это не замечал никто, кроме нас. И, поскольку странные вещи не приводили ни к каким последствиям, не могли стать поводом для обсуждения с кем-то еще, поскольку больше никто их не замечал. Мы приняли тот факт, что в мире существуют парадоксы, которые, возможно, замечаем только мы, потому что обладаем определенными нетипичными способностями. Мы сделали веселую игру из поиска и обнаружения странностей. Без особой надежды, что когда-либо поймем их природу.

Мы двинулись дальше.

Король с новоиспеченной женой перехватили нас возле лестницы. По крайней мере, так казалось со стороны — в действительности, мы с Мартой почти час выбирали маршрут и корректировали состав собеседников, периодически мелькая в поле зрения высокопочтенной четы, прежде чем оказались все в этом месте.

Мы рассыпаемся в поздравлениях, излучая доброжелательность и уважение. Король ждет завершения формальностей, а королева растаяла, пригревшись в лучах нашего семейного счастья. Теперь Марте не составит трудностей опутать девушку своей болтовней и увести в сторону.

— Ну-с, как вам мой выбор, Арлахазар Мэлвин Парсеваль? — спрашивает Дор Фаго, имея в виду свою новую жену.

— Излучает здоровье, женственность и красоту, Дор Фаго. Особенно — здоровье. В этих краях в женской силе легко ошибиться, но сейчас я уверен, что в новом году у вас будут тройняшки. Сделаете наследником первого из братьев или будет город о трех головах?

Дор Фаго заливается смехом и пытается похлопать меня по плечу, но достает только до лопатки. Нет, до нее тоже не достает.

— Однако, Саймон сказал то же самое. На сей раз я попросил его убедиться прежде, чем сделал предложение. Очень грустная история произошла с моей первой избранницей, — король вздыхает. Его голубые глаза потуплены в сторону пушистой седой бороды, — Все же, женщина должна заниматься детьми, а мужчина — политикой. Когда кто-то не может занять свое место, происходит... драма.

Этот наигранный вздох и опущенные реснички меня не обманут. Я-то знаю, что свою бывшую он приговорил, как бы все ни выглядело со стороны.

— Мы с вашей супругой обсуждали обмен. Она не согласилась пока с моим предложением, она посвящает вас в свою работу?

— Разумеется, у нас нет тайн друг от друга.

— Вы думаете, я не совсем справедлив в своем предложении?

— Вы были бы полностью правы, если бы были достаточно информированы. Но я не думаю, что вам стоит отвлекаться от своей великолепной работы на технические и экологические стороны вопроса.

— Экологические? Что вы имеете в виду? — мягко интересуется король, для которого это слово мало что значит.

Я думаю, что он похож на зарумянившийся пирожок. Мягкий, состоящий из плавных линий. Но что за вебрь в него внутри? Эти показное дружелюбие, наивность и даже недалекость — маска. Король бдит, и делает это очень хорошо. Пирожок с диким вебрем.

— Что политика Биверна превосходна. Как и армия, и экономика, и многое другое — все, к чему вы прикасались. Но к устройству наших двигателей вы не прикасались. Они... не доработаны. Да, они позволяют совершать огромный труд с малыми затратами усилий, но даже при грамотной эксплуатации могут выйти из строя и повредить... Пару соседних домов и несколько десятков человек. Они шумные и создают много отходов. Вопрос не в том, что вы несправедливо мало за них предлагаете — это не так. Вопрос в том, что по вине нашего товара в вашем городе будет перманентный высоченный риск пожаров, а копоть вытеснит воздух. С этой сделкой лучше повременить несколько лет, пока мы улучшаем модель.

— О, — понимающе протягивает король, — Но как насчет использования в более пустынных местах? Где нечему гореть. Это не будет подходящим плацдармом?

— Для поддержания рабочего состояния нужно много процедур и инвентаря. Оно того не стоит, не практично. Через пару лет, полагаю, мы уже усовершенствуем модель. Она сохранит мощность, но станет куда безопаснее и дешевле в обслуживании.

— Пожалуй, вы правы, — король печально вздыхает. Я рад, что спас двигатели от этих жадных рук, но нам нужны рабы, надо предложить что-то другое. Может, пол с подогревом? Я мысленно улыбаюсь.

Король начинает рассказывать мне о тех великодушных вещах, которые сделает, имея двигатель. Конечно-конечно, не вооружения жаждет твое пирожковое сердце. Только тепла и плодородия.

Я вежлив и внимателен, но упрямо не даю разговору уйти далеко от альтернативного обмена, который в области ведения Марты.

Тепло людям? Давайте лучше антибиотики людям. Ходите плодородия? Может, концентрированные питательные вещества в пилюлях? Ни цинги, ни голода. Техонсору очень нужны рабы, король должен на что-то согласиться.

В сущности, моя часть разговора окончена, король осознал, что двигатели приобретать рановато. Дальше дело за Мартой — найти что-то другое.

К счастью, она скоро пришла меня сменить. Мы обменялись легким касанием пальцами. Со стороны — мило, но на деле мы сплели свои специфические нервные отростки и поделились друг с другом информацией. Она знает, на чем закончился наш диалог, я знаю — о чем она говорила с королевой. И я, стало быть, сменяю ее караул у барышни в белом платье.

— Моника! — я развожу руками, подходя к ней, — Вы выглядите просто невероятно, как кремовая роза на торте — самая сладкая его часть, между прочим.

— Марта тоже говорит, что король дорвался до сладостей, — смеется она, обворожительно пряча рот в ладошках.

Красивая девушка с темными, пушистыми ресницами, хитрыми глазками, густыми золотыми волосами. Но вот форма рта у нее — кошмар. Вроде, и зубы нормальные, и губы, но улыбается так, будто ей рот топором прорезали. К счастью, это видно только в улыбке, которую она успешно прячет — да еще так мило.

— Ну и не поздоровится тебе сегодня ночью!

Моника заливается смехом, пряча в ладошках стремительно краснеющее лицо. Я мягко забалтываю ее, переливая разговор из одного русла в другое, рассеиваю ее внимание. Эта дев-

чушка проста и наивна, только на роль роженицы и кормилицы годится. Мы учли прошлый опыт, выбирая новую жену королю. Которую он «случайно» встретил сам. И по воле «судьбы» обратил на нее внимание. Судьбой в этой части истории был я, формируя направление его внимания.

Постепенно я увел Монику подальше от чужих глаз. Здесь начинается второй эпизод нашего плана.

Я заморочил ее настолько, что она не заметила, как мы оказались в крыле для гостей. Рядом с моими покоями. Мягко коснувшись ее шеи, я пустил волну оглушающих импульсов. Вот и все. Девушка стоит, идет, смотрит — но девушка спит. Я завел ее в отведенную мне комнату — вернее, комнаты. Целых пять.

За дверью нас встретила вторая Моника, в более простом белом платье, больше похожем на ночную сорочку. Это не настоящая Моника, это моя коллега Киндра в облике Моника. Киндра должна заняться первой брачной ночью молодоженов, ой, то есть старого пердуна и молодой девушки.

Конечно, она не пришла сюда в этом облике, она сменила их несколько раз, пока добиралась. Никто не знает, что она здесь. Никто вообще не знает о ее существовании — в родном обличье Киндра никому не показывается, кроме своих.

Киндра — следующий за мной шедевр гениальной инженерии, так что на ее изречения о том, что она совершеннее, я могу сказать, что я старше.

У нас обоих есть нейриты — это не те штуки, которые растут из нервных клеток, хотя очень на них похожи. Это гибкие, эластичные отростки, которые начинаются у основания головы, с помощью которых мы можем управлять ионными токами, создавать электрические разряды, читать мысли, влиять на эмоции, передавать свои знания и копировать чужие, менять биохимию мозга. Да много чего можем.

Суть в том, что это невероятно чувствительный инструмент. И нет в нем ничего особенного, те же способности можно создавать без них, но не так четко и концентрированно.

Мы прячем нейриты под одеждой. Верхнюю пару — в рукава, так мы можем обмениваться мыслями и впечатлениями, держась за руки, чтобы скрыть соприкосновение специфических отростков. Или подвергать людей гипнозу, коснувшись их затылка.

Нижняя пара обнимает туловище, их можно использовать как оружие в крайнем случае. Не бог весь, какое оружие, но эффект неожиданности может многое.

Киндра протягивает мне руку, мы здороваемся скользящим движением. Поток информации сперва вскружил мне голову, потом улегся и начал медленно усваиваться, занимая нужные места в моей памяти.

Теперь я знаю, что она добралась до замка в облике борзого пса, затем сменила его на случайного гостя, после чего скопировала лицо и одежду нескольких слуг, пока не выяснила, какие покои нам назначили и не проникла в них, используя скопированный другим членом нашей команды, Эстебаном, ключ.

Каждый переход требовал времени: перестройка тканей шла волнами, с характерным внутренним жаром, как лихорадка. Киндра сэкономила энергию — избегала сложных форм и не воссоздавала всю структуру детально, ограничиваясь локальными изменениями кожи и волосного покрова, формы лица или роста.

Теперь я знаю, чем она занималась все это время, а она в курсе всех моих разговоров.

В следующий момент Киндра принимает свой облик, ведь теперь она знает, что невеста обработана и ничего не запомнит. В своем виде Киндра бледно-серого цвета, ее кожа гладкая, натянутая и блестящая, как у дельфина, а хвост более тонкий, чем у меня, словно позвонки обтянуты кожей и между ними ничего нет. И хотя форма тела у нас похожая, она словно более плотная, более упругая, и без крыльев — в исходном варианте, хотя способов парить у нее куда больше, чем у меня.

Я закрываю дверь, мы кладем королеву на огромную кровать, заправленную золотыми шелками. Специально для меня соорудили, я здесь желанный и очень высокий гость.

Я еще раз выглядываю в коридор. Никто ничего не видел. Благо, все слуги заняты гостями в главном зале.

Когда я возвращаюсь, Киндра уже заканчивает раздевать Монику. Я поспешно отвожу свой женатый взгляд и ухожу наматывать круги по дальним комнатам, шаркая лапами по пушистым коврам.

Мои когти неприятно цепляются за ткань, за это я ненавижу ковры. Они вызывают у меня свербящее ощущение неудовлетворенности, будто я прервал важный процесс, который никак нельзя оставлять незавершенным. Это чувство растет, достигая крайнего раздражения, перерастающего в ненависть. Даже холод здешних полов не помогает унять это чувство.

Я сворачиваю один из ковров в рулон и начинаю точить когти. Постепенно, меня отпускает раздражение и даже становится как-то хорошо.

Саймон говорит, это атавистические животные инстинкты моей львиной части. А проявление инстинктов — это табу. Которое я, стало быть, только что нарушил. Опять.

Проклятые ковры, манипулируют моими инстинктами. Я наскребу в них столько дыр, сколько успею, пусть слуги уносят их и больше не возвращают.

О, вероятно, стоит пояснить, что тут происходит. Мы подсунем Киндру в обличье Моники королю в первую брачную ночь. И будет неловко, если у королевы окажется экзема на всю спину или родимое пятно в форме дракона на заднице. Или восхитительная грудь, но только одна.

Такие рокировки мы уже практиковали.

Киндра воспроизводит наружность королевы, свое мастерство в этом она мне уже показала как только я вошел. Теперь, сверяясь с обнаженным образцом перед собой, она добавляет родинки и крошечные шрамики — воспоминания о разбитых в детстве коленках, укусе лошади, свежие мозоли, ничего особенного. Ярких примет у этой королевы нет.

Вот у Биргитты, прошлой королевы, был странный пупок. До сих пор передергивает, как вспомню. Хорошо, что мне не приходится делать на себе странный пупок, как Киндре, чтобы что-то кому-то куда-то подсунуть.

В данном случае, королю под кожу — крошечную ампулу. Через пару недель мы ее удаленно откроем, чтобы король неожиданно заболел какой-либо обыкновенной местной болезнью. По совершенно непредвиденному стечению обстоятельств, болезнь даст серьезное осложнение, из-за которого Дор Фаго потеряет возможность иметь детей.

А эту пару недель, чтобы точно ничто не сорвалось, Моника будет принимать противозачаточные. Она, правда, этого не узнает.

— Арл, хочешь поглядеть на голую королеву? — говорит мне Киндра пока еще своим голосом. Утробным и прохладным.

— Я женат! — говорю.

— Но ведь это на самом деле не голая королева, и даже не голая я.

Входит Марта. Жестами велит нам заткнуться.

— Королеве пора в койку. Королевскую. Ты ее увел — ты ее вернешь.

— Нет, это ты ее увела, меня с ней никто не видел.

Марта пожимает плечами. Не важно, с кем из нас и куда ходит королева — нам обоим доверяют одинаково.

Киндра облачается в шмотки королевы, минуя нижнее белье — из брезгливости и практичности.

— А ты девственница? — спрашиваю ее я из дальней комнаты.

— Мне нужен голос Моники, иди сюда, здесь все прикрыто, — говорит Киндра, пропуская мои слова мимо ушей.

Я возвращаюсь, расстегиваю воротник чтобы освободить все нейриты. Прикасаюсь ими к затылку королевы, завернутой в одеяло. Ее лицо оживает и некрасиво улыбается.

— Обрати на это внимание, она всегда прячет улыбку.

— Все правильно делает, — отвечает Киндра в обличье Моники, облаченная в свадебное платье.

— О, мой король, покажите мне, как бодает мужской рог! — говорит некрасивый рот королевы, в гипнотическом сне лежащей на постели под слоем одеяла.

— О, мой король, покажите мне, как бодает мужской рог! — повторяет Киндра ее голосом.

— Может, пройдемся по всем интонациям? — томно говорит рот Моники, имитируя эротический тон.

— Нет, благодарю. Много ли интонаций надо девственнице. В конце концов, я же не буду делать ее работу, король хорошо поспит и получит вымышленные воспоминания. И ампулу. Марта, проводите меня к моему старому мужу.

Я думаю, как Киндра справляется с неловкостями в те пару минут, что проходят между встречей «мужа» и его гипнотическим сном. Как все же мне повезло с моей работой.

Дамы уходят. Я полностью усыпляю Монику и прячу нейриты обратно. Смотрю по сторонам, на очень дорогие и совершенно скучные картины.

Одна из них изображает горы Хрустального Эхо, и, кажется, художник буквально понял их название. Форма, вроде бы, их, но блеск явно не горный, словно они из стекла. В реальности — горы как горы, разве что разжившиеся огромным количеством сланца. С определенных сторон и правда могут показаться хрустальными, но не настолько же.

Стены, покрашенные золотой краской. Сам по себе цвет красивый, но использовать его для декора — дешевый пафос, на мой взгляд. Даже как-то вульгарно.

Другая картина изображает охоту на мамонтавров. Это мифические существа, создающие выюгу мощью своих легких. Местные жители верят, что они живут в зоне безжизненной мерзлоты, куда никто никогда не забирался. Автор представляет их как торс йети на туловище мамонта. И дуют они в гибрид горна и рога изобилия. Какие-то отсталые люди в не по погоде легких рейтузах стреляют по ним из катапульты.

Я заглядываюсь на свои отражения в тяжелой лакированной мебели, поправляю волосы. Нахожу в проходной комнате корзину с орехами. Поглощаю их.

Третья картина — вариация на тему «Каким был город Урсулы Видящей до извержения вулкана?». Роскошные колонны, жаркое солнце, море статуй, фресок, барельефов. Интересно, как они там жили, если каждая зубочистка — в орнаментах?

Возвращаюсь к Моники. Спит, как невинное дитя. Оглядываюсь на дверь, прислушиваясь, убеждаюсь в том, что никто ко мне не идет и начинаю осторожно разворачивать одеяло на ее бюсте. Просто посмотреть, что же в этом дурного?

Как по щелчку, в дверь врывается Марта, с шипением:

— Ты что творишь, муж?

— Но мне же интересно! Тебе не интересно? Давай вместе посмотрим!

Марта набрасывается на меня. Мы устраиваем небольшую наигранную потасовку. С громким рычанием, порванным ковром, ненароком опрокинутым шкафом. Останавливаемся мы потому же, почему и всегда: в процессе борьбы, мы нашаркались когтями об проклятые ковры, накопили свербящее раздражение и начали неистово точить когти. Вскоре нас отпустило и мы синхронно вздохнули с облегчением.

— Саймон говорит не давать волю инстинктам, — напомнила Марта.

— Больше не будем. Проклятые ковры, им же невозможно сопротивляться.

— А Моника так и обречена быть девчонкой? — любопытствует она, отдышавшись.

— Ну, по факту она уже не девочка. И это не потому, что она не девочка, это потому, что ее осматривал Саймон и подарил ей гуманную дефлорацию.

— Но ее король останется в ее памяти... Можно мне поменять ей память? — Марта поднялась, склонилась над спящей королевой, протягивая к ней нейриты.

— Валяй. Но ничего лишнего.

Так Моника обрела воспоминания о непревзойденной ночи, которой никогда не было и, возможно, все же будет. Но это вряд ли, ведь король — старый пердун.

Я проснулся в четыре часа утра. До подъема вездесущих слуг, короля и гостей. Марта сопела рядом, у меня на ногах сидела Киндра в обличье королевы, совсем голая. Я покосился на Марту, но она крепко спала. Несколько раз провел взглядом по телу Киндры-Моники. И, наконец, разбудил супругу, с ходу швырнувшую плед в лицо гения перевоплощений, чтобы она прикрылась.

Мы с Мартой перетащили голую и совершенно счастливую королеву к спальне короля — настоящую королеву. Наверное, нехорошо, что часть ночи она лежала у нас на диване, в проходной комнате, но кто об этом узнает?

Киндра не догадалась взять платье с собой из королевских покоев. Да и странно было бы, если бы настоящая королева в четыре часа утра зашла в комнату одетая и начала раздеваться. Однако, это были бы ее проблемы, а так — наши. Не люблю ходить по коридорам с чужой голой женщиной, особенно, с женщиной власть имущих.

Я частично разбудил Моникау прикосновением нейритов к основанию черепа и отправил в покои с последним ментальным напутствием «Ляг в постель и проснись через пять минут». Дальше сама разберется.

Мы бесшумно вернулись в свои апартаменты, никем не замеченные.

— Королевские трусы в вашей комнате, — заметила Киндра, уже в своем родном облике. Голос её на секунду сорвался — восстановление формы еще не успокоилось в ее теле.

Превращения Киндры не были мгновенной магией. Это была управляемая биохимия: перераспределение массы, перестройка тканей, изменение плотности, температуры и электрической активности.

Быстрые формы были грубыми. Точные — дорогими. И за каждую из них организм требовал ресурс, которого в подтянутом теле Киндры помещалось не слишком много.

— В рамочку. На стену, — решаю я, подцепляя кусочек ткани когтем на ногу.

— Арл, я задержусь. Нам очень нужны люди, надо чем-то короля заинтриговать, — говорит Марта, — Он интересуется гидравлическим прессом. Но недостаточно интересуется. Я прогрею его интерес.

— Давай я останусь? Все же пресс — не совсем твоя область. Плюс, его советники вот-вот приведут ученых. Они-то быстро поймут, что ты им лапшу на уши вешаешь, — говорю.

— Не нужно, я достаточно знаю о прессе, я на нем сырье для таблеток обрабатываю. Ты хорошо заморочил всех советников, их состав с тех пор не менялся. Вернемся домой — хочу с тобой поговорить кое-о-чем важном.

— Собирайся компактно, я тебя вынесу, — обращаюсь я к Киндре, затем оборачиваюсь в Марте, — Когда закончишь? Не взять ли мне Рэйвора с собой?

— К обеду, максимум вечеру, я буду дома. Не гоняй ребенка на край света лишний раз.

— Путешествия — полезны и познавательны, — я обнимаю Марту и непроизвольно виляю хвостом. Она — тоже, — Люблю тебя.

— А я тебя больше люблю.

— А я тебя люблю как небесный охотник любит золото.

— А я тебя люблю как пингвин любит пингвиниху.

— А я тебя люблю как Рэйвор — булочки с корицей.

Выразительное покашливание вернуло нас к делам насущным. Киндра уже залезла в мою дорожную сумку, сложившись в несколько слоев. Очень компактно, относительно прямоходящего создания, но сумка моя все равно битком набита, но нам не далеко до того места, где мы разойдемся. У нас срочные, но не очень важные дела на юге. Раньше ими занимался Авель, но теперь его безнадежные собеседники распределены между коллегами, которые остались в этом мире.

Вечером того же дня мне на наручный коммуникатор пришло сообщение от Марты: «Странные вещи номер 448, я сторговалась на две тысячи рабов за дирижабль с мотором». Довольно странный выбор, если знать все доступные варианты. «Не считается, это не парадокс, это причуды людей» — написал я ей в ответ.

Эти ребята просто помешались на полетах. Пусть такими и будут, нам же проще.

2. Необратимый естественный ход вещей

Ветер свистит у меня в ушах, когда я продираюсь через толщу горячего воздуха. Солнце беспощадно жарит мою кожу.

Рядом со мной Джай — небесный охотник, завидный жених для любой высокомерной гарпии. Если бы у них были столь высокие отношения. Но их пары образуются на несколько недель пару раз в году — в период, когда низменные, но очень сильные чувства заставляют самцов мигрировать к берегам морей, туда, где их поджидают пестрые, яркие самки. И через несколько недель безудержных оргий терять к ним интерес и разлетаться кто куда.

Под нами — бескрайняя пустыня, средоточие запасов красного песка со всей планеты. Говорят, раньше здесь были оранжевые скалы и не было видно им конца. Но то солнце раскаляло их, то луна пронизывала их своим ледяным взглядом — контраст температур заставлял скалы трескаться со звуком, эхом проходившим между их уцелевшими собратьями. Вновь и вновь, пока самые мелкие булыжники — остатки былого величия — не обращались в мелкие песчинки.

В юго-западной части Красной Пустыни сохранилась горстка мифических скал. И вроде бы, ничто не мешает солнцу и луне повторить свою крошачью работу над ними, ветру — сточить исполинов под ноль. Но они стоят тысячелетиями, не спеша сливаться с песком.

Это Небесный Город. На вершинах скал, или столбов выветривания, как на огромных пьедесталах, расположилось поселение. Связанные канатными мостами, столбы разрознены, но едины, как члены одной семьи.

Жители города полагают, что их связь со Вселенной — глубже и роднее, чем у самого неистового проповедника. Долговечность скал, ставших им домом, они объясняют божественным участием.

Приятные ребята. Только чуть высокомерны. Они в стороне от всех мировых волнений, это и понятно. Кому нужно завоевывать горстку шапок, застрявших в редких, скудных облаках? Кто вообще туда ползет? И какое дело этим отшельником до внешней политики?

Вот нам дело есть. Мы хотим быть для всех друзьями, не важно, есть ли в этом смысл с точки зрения обмена ресурсами или заключения взаимовыгодных соглашений. Держа руку на пульсе абсолютно всех королевств, мы успешно поддерживаем доброжелательное отношение к себе уже много веков, независимо от настроений в мире.

Небесная жизнь зиждется на аскезах и духовных практиках.

Первое и понятно — не попируешь, когда даже для питья надо ловить облака, не расслабишься, когда до земли несколько километров.

Второе спорно. Они утверждают, что способны левитировать, владеют магией стихий, телекинезом. Телепекинесом, ха. Мы с Джаем как-то раз погуляли у подножия их скал. Нашли кости, на некоторых из них было свежее мясо, и было их не так уж мало. Я про упавших или выбросившихся из города. Видимо, религия не позволила им левитировать в такой неловкий момент. Или они все-таки заговариваются.

Однако, зря я о них так. Они правда приятные ребята. Просто абсолютно непонятные. И с нами сотрудничать не хотят. Наш с Джаем визит сюда сегодня — дань уважения, мы давно смирились, что дружбы, обмена, союза между нами не будет. Не очень-то и хотелось. Духовные ценности не практичны, нам нечем меняться. А вот небесным жителям очень не помешал бы аппарат, добывающий воду из воздуха.

Я заваливаюсь на бок и сворачиваю крылья, как гамаки. Ветер тащит меня в сторону. Плавно перехожу в воздушное подобие колеса и выравниваюсь. Проверяю сообщения на наручном коммуникаторе. Марта еще не ответила мне на пожелание доброго утра, что немного странно. Пишу ей, что уже почти добрался до Небесного Города и выключаю устройство.

Мы с Джаем от души перебесились, соревнуясь в скорости полетов. Когда мы были моложе, эти соревнования были куда интереснее, но мы давно в курсе, что в нашей паре нет более или менее сильного, быстрого и ловкого. Мы оба ничего. Разве что я красивее, у Джая никогда бы не отросла такая грива, как у меня.

Солнце, однако, нещадно жарит. Несмотря на принятые для сохранения здоровья меры, я чувствую, что пора бы снижаться, иначе мне грозит солнечный удар.

Если вы думаете, что парящие гарпии обмениваются подстрекательствами и свежими анекдотами, вы мало знаете о полетах. Даже если отбросить свистящий в ушах ветер, потоки воздуха уносят звуки далеко в никуда. Я жестами говорю Джая закругляться. Он замечает не с первого раза — занят исполнением крутых виражей. Я вижу, что он не хочет спускаться. Последнее время он много времени тратит на полеты, будто заново узнал, что он умеет летать. Может, в силу возраста ощутил нехватку движения, может, отрабатывает новые техники — не знаю.

Джай в полтора раза ниже меня. При должном усердии, сложив мощные крылья, укутавшись в свободные одежды, он мог бы сойти за представителя людской расы, хотя с птичьими ногами тоже вышли бы трудности. Однако, кроме крыльев и когтистых лап, от человека его отличают только большие янтарные глаза навывкате. И большой нос. Кажется, что вся его голова — это нос, плавно переходящий в скромное продолжение. Впрочем, выглядит породисто и красиво. У людей такой нос тоже бывает, и даже побольше, хотя редко.

— Техонсор, Арлахазар Мэлвин Парсеваль, Джай сорок третий. В Небесный Город прибыли, — докладываю я в наручный коммуникатор, снижаясь.

— Больдо Хьюго Джабар, принято. Есть вопрос.

— Слушаю, — отвечаю я, поморщившись. Кто только пустил этого упыря принимающим? Это не его обязанность, да и туповат он — с техникой работать.

— Саймон говорит, у хищников глаза расположены фронтально, а у травоядных — по бокам. Твои глаза не спереди и не по бокам, а что-то между.

— Вопрос-то в чем?

— Что ты такое? Баран или псина?

— Спроси у Саймона, что значит твоя лишняя хромосома. Ах да, тебе же закрыта дорога в лаборатории, совсем забыл.

— Нет, ты мне ответь. Удобно ли иметь слепую зону прямо перед мордой?

Я завершаю вызов и дублирую сообщением информацию о нашем прибытии: Больдо вполне может «нечаянно» забыть, что я отчитался, а с меня потом спросят. Разберемся быстро, но мне лишних хлопот не нужно. На этом я выключаю коммуникатор и прячу его в карман брюк до окончания пребывания в Небесном Городе. Банальная предосторожность, чтобы никто лишний не увидел наши высокие технологии.

Отношения у нас с Больдо не очень сердечные. История нашего взаимного непонимания давняя, и затрагивает множество сторон жизни. Не вдаваясь в подробности, Больдо известен необоснованной жестокостью, постоянно кляузничает на нашу работу из-за подозрений в шпионаже, во времена моей юности начал открытый конфликт, решив, что роль козла отпущения мне подходит и схлопотав на грецкие орехи, потому что нет, не подходит. С некоторых пор, он еще засветился за приставаниями к Киндре, за что я бы ему голову открутил, но меня очень попросили этого не делать.

В общем, терпеть его трудно, но он начальник всей военной мощи Техонсора. Хорошо справляется со своими задачами, поэтому то, что он лезет не в свое дело и создает напрасные трудности, пока сходит ему с рук. Но он уже давно заслужил всеобщую неприязнь к себе — надежно и навсегда. И будь он поумнее, продолжал бы свои пакости чуть-чуть скромнее, чтобы нечаянно не получить ампулу яда в стакане воды от одного из тысячи недоброжелателей. Но что есть, то есть, а чего нет — то мозги Больдо.

Мы с Джаем садимся на самом крупном столбе выветривания — его вершина занята старым деревом, раскинувшим свою крону, кажется, на целый километр. Рано или поздно, его уютные корни разрушат основание. И если это не приведет к крушению всей главной горы, то уж точно сделает ее куда ниже. Немного ранее мы с учеными размышляли на тему, может ли падающее дерево «уронить» соседние скалы вместе с раскинувшимися на них поселениями — пришли к выводу, что нет. Древняя порода столько всего пережила, рухнувшее дерево явно не самое большое зло, которое видели эти монументы за свою долгую жизнь. Но и вроде не собирается оно пока падать, выглядит неплохо для своих лет. Стоит, дает городу тень и неизвестно где берет достаточно воды для поддержания своей жизни.

Нас встречают. Стайка одинаковых, белокожих, тонких женщин с прилизанными волосами выстраиваются в шеренгу перед нами. Я достаю из сумки тунику и вожусь с застегками, дающими возможность носить шедевр портняжного искусства с комфортом, если у тебя есть крылья. Спешу скорее облачиться, но из-за спешки сую крыло не в тот рукав, потом руку, потом снова крыло.

Я бы предпочел одеться до того, как нас увидят, но в полете было немного не с руки. А теперь девушки смотрят, я смущаюсь и путаюсь. Они готовы все глаза выглядеть. Я невзначай занимаю более выгодную позицию, чтобы солнце усилило тени на моем животе и сделали пресс более рельефным. Любуйтесь, вы такого в своем городе дистрофиков не найдете. А вот спину вам лучше не видеть, а то задумаетесь, что за отростки растут у меня из головы — придется память стирать.

— Ааарл, — с раздражением протягивает Джай, ожидающий, когда же я закончу выпендриваться своим прессом.

В Небесном Городе он сверкает голым торсом по убеждению. Как и везде, где температура выше ноля. То ли потому, что любит впечатлять тугими мышцами, то ли потому, что не любит одеваться — у него всего один подвижный палец на каждое крыло.

Я неохотно завершаю ритуал сокрытия таинства мужественной фигуры, и нас уводят в... древесный дворец? Королевское дерево? Замок Ствола и Листьев? Величественное недолесье?

Назовем это королевской обителью.

Сперва мы проходим помещения, расположенные среди могучих корней дерева, где-то между камнями и старым растением. Ничто не вырезано и не вытеснено, здесь лишь гармоничное сосуществование дерева и людей. Довольно тесные комнаты и коридоры неправильной формы, освещенные струящимися между камней лучами солнца. Правда, местами надо идти на четвереньках, но это ничего, мы не гордые.

Минуя их, мы поднимаемся выше корней и преодолеваем по спирали огибающий ствол коридор, сделанный из нескольких огромных веток того же дерева. Их опустошили внутри и придали им нужную форму без помощи привычных плотникам инструментов. Небесные жители так же невероятно гнут дерево, не ломая, как великаны выпрямляют бивни мамонтов.

Мы поднимаемся на каменистую поверхность столба выветривания. Здесь просторно, прохладно под сенью листвы, пол собран из кучи мелких камушков. Говорят, эту гальку по всему миру собирают, выискивая наиболее заряженную божественной энергией, безмятежностью реки, силой океана. В общем, где-то здесь прячутся блаженные путешественники и они не поленились собрать из гальки роскошную мозаику, изображающую огромный, испещренный узорами лотос.

Может, и правда есть в них какая-то энергия — я испытываю нечто вроде экстаза, шагая по такому полу. Вероятно, эффект сродни акупунктуре и массажу стоп. Или высоковибрационная энергия, не исключено.

Я слышу горловое пение сверху, ищу его источник: там можно разглядеть десятки небесных жителей, стоящих на ветвях. Они распахнули руки, подставили лица свету. Ветер треплет их одеяния, их позиция кажется шаткой. Я вопросительно смотрю на стайку одинаковых деву-

шек: это их занятие по магии левитации, или это телохранители королевы — притворяются птицами, чтобы нас не смущать? Но никто не обращает внимание на мой недоумевающий вид, похоже, для них нет ничего особенного в том, что меня удивило.

Я шевелю нейритами под одеждой, пытаюсь уловить, что они там делают. Возможно, мне удастся зацепиться за эмоцию — страха, ярости или еще чего-то, что будет мне подсказкой. Конечно, я слишком далеко от них, но если бы и были признаки надвигающихся действий сверху, я бы ощутил отголоски.

Однако, ничего такого нет. Я улавливаю безмятежность и... удовольствие? В любом случае, не очень заряженное место, вряд ли там происходит что-то интересное.

«Странные вещи номер 448, надо написать Марте, когда смогу достать коммуникатор», — подумал я.

В естественной нише ствола дерева расположился трон. Он сделан из веток того же дерева, но как искусно им придали форму! Спирали и витиеватые узоры, плетения, неведомые символы не вырезаны, а выгнуты из древесины, и нигде не видно следов трещин или разломов, и уж тем более никаких спилов и резьбы. Все естественно, как будто само так выросло.

На троне восседает королева. Отмечу, что у нее и у всех ее подданных до того уверенная осанка, будто они меч проглотили. Чего только не проглотить на таких суровых вынужденных аскезах.

На ней кимоно из тяжелой бурой ткани с самым широким рукавом-фонарем, что я видел. Жесткая, узкая горловина подчеркивает длину и тонкость шеи. Тугой корсет — или не тугой, а подчеркивающий ее скелетообразную фигуру — прижимает к талии лепестки верхнего одеяния, синими лоскутами ниспадающего на бедра. На талии — ремешок с тучей связок оберегов, амулетов, каких-то склянок и бусин. Ее густые светлые волосы собраны в тугой пучок — такой тугой, точно она сейчас закричит. А дальше — разделены на несколько витков и закреплены в пышный хвост, украшенный перьями, бусами и парой причудливо загнутых в спирали веток. Ее лицо скрыто деревянной полумаской, выделяющей глаза и брови ярким сочетанием коричневого и оранжевого цветов. Я думаю, что ношение маски — удачная традиция, ведь в любой непредвиденной ситуации, за ней может скрываться дублер. Впрочем, в силу специфики Небесного Города, абсолютно исключено, что кто-то захочет совершить покушение на королеву, так что в дублерах нет никакой необходимости.

Я включаю свое обаяние на усиленный режим, распространив вокруг себя энерго-информационную волну доверия.

— Она рада видеть Вас, желанных гостей, — бесцветным голосом отмечает королева.

Мы киваем, кланяемся и рассыпаемся в любезностях. Здесь не принято давать имена и называть их. Здесь обо всех говорят в третьем лице. Философия Небесного Города заключается в отрицании ценности жизни, как и факта ее существования. Они уверены, что никогда не рождались, а потому никогда не умрут.

За скучной светской беседой королева провела нас по всему городу. Лично. Ее походка так пряма и стремительна, будто она и правда умеет левитировать. Нас никто не сопровождает.

Мы побывали на площадке, отведенной для посевов. Погладили худых телят на ферме. Поглядели издали на заливные луга, куда водят маленькое стадо по шаткому мосту над пропастью. Побывали на голубятне, прошли через пару деревень, состоящих из 5—10 домишек. Посмотрели на зал единоборств, набитый тренирующимися дистрофиками. Буду справедлив: движения этих тщедушных скелетов выглядели отточенными, костляво-грациозными и профессиональными. Наверняка они бы фору дали некоторым моим коллегам, возможно, даже превышающим их весовую категорию в несколько раз.

Признаться, я уже в середине маршрута ощутил тотальную изможденность и начал вопросительно поглядывать на королеву, которая на своем небесном дефиците калорий прекрасно переносила долгую прогулку. Я успокоил себя мыслью, что просто гостям после даль-

ней дороги надо бы отдых дать. В конце концов, это мы по жаре летели несколько часов, а не она. Наверное, все дело в этом.

Я готов был умереть от усталости, когда мы вернулись в тронный зал и нам предложили пищу и воду. В очень скромных количествах, конечно. Я закинул под язык припасенный для таких случаев стимулятор — скоро ко мне вернулось настроение, обаяние и энергичность.

— Она не одобряет измененные состояния сознания и хотела бы, чтобы при ней так не делали, — говорит королева своим бесцветным голосом.

— Это сахар. И кое-что, чтобы он сразу попал куда нужно, — я немного смущен, что она заметила. Да и говоря ей о сахаре чувствую себя так, будто дразню голодающего.

— Он имеет что-то против усталости? Естественное положение вещей ему претит?

— Он хочет следовать намеченному плану, а не откладывать на завтра то, что можно не проспать сегодня, — поясняет за меня Джай, невзначай чистящий перья все это время.

— Не стоит держаться так крепко за то, что они не контролируют. Будущее существует уже сейчас, и оно может не совпадать с их планами на него, — говорит королева, глядя сквозь нас из-под рыже-коричневой полумаски.

Мы с Джаем переглядываемся. Он ожидает, что я легким движением нейрита подскажу ему ход разговора, а у меня своих идей нет. Пока мы косимся друг на друга, королева решает продолжить.

— Хаос — это упорядоченное движение бесконечного количества частей. Не каждый видит при жизни, что все подчинено причинно-следственным связям, идущим по единственному вероятному маршруту. Не нужно ничего контролировать. Все уже есть естественный ход вещей. Любое событие — результат линейных причинно-следственных связей, которые годы шли к той точке, где их встреча создаст событие.

Я думаю, что стоящие на ветках над нами небесные люди находятся на финишной прямой своего естественного хода вещей. Интересно, что, если кто-то из них упадет прямо сейчас. И интересно, если они никогда не рождались, и никогда не умрут, какое такое будущее у них существует уже сейчас?

— Он мыслит не в том направлении, — королева смотрит на меня, словно читает мои мысли, — Смерть не конец. Она лишь остановка длительного движения к распаду, которое зовется жизнью. Между тем, что движется к порядку неподвижности, и тем, что движется к свободе распада, есть необратимость. Он даже не представляет, как мало существ имеют возможность выдержать оба направления одновременно, — в этот момент она неожиданно коснулась моей руки.

От внезапного прикосновения королевы я немного опешил. Что это она себе позволяет, разве так можно? Трогать меня, при том, что я тоже никогда не рождался и никогда не умру, не являюсь отдельным индивидуумом, и меня нельзя персонифицировать, чтобы найти какое-то оформленное тело в бесконечной ткани бытия, чтобы потрогать его рукой другого тела, которое тоже никогда не рождалось?

И, честно говоря, воспринятый моим нейритом ритм ее тела весьма и весьма удивил меня. Она уже давно убрала от меня свою ледяную руку, а я все смотрю на свое запястье, пытаюсь понять, что это было. Словно меня медуза потрогала. Не по ощущениям, а по ритму и информации. Уж не умерла ли она, часом? Лет пять назад.

— Какой вообще смысл создавать жизнь, если между ней и смертью ничто не играет роли! — восклицает Джай и порывается еще что-то сказать, но тон королевы так нейтрален и безучастен, что полностью опускает все его вздыбившиеся перья.

— Не им судить, — она делает долгую весомую паузу и продолжает бесцветным голосом, — Прямой язык ограничивает понимание. Слова придумали не так давно, как бытие существует во всей своей сложности. Попытки описать его словами так же смешны, как попытки планировать свое будущее.

Я шевелю ушами. Это непроизвольный жест, связанный с задумчивостью. Здесь есть что-то, что меня касается. Причем, буквально. Что за медузный ритм у этой женщины? Она из крови и мяса, как любой человек. Неужели можно так изменить свою энерго-информационную структуру аскезами и духовными практиками?

— Между рождением и смертью они должны стремиться существовать в гармонии с Вселенной, дабы не мешать естественному ходу вещей проявляться. Небесные Люди давно развивают свой дух и тело, они слышат пространство и время и не противостоят тому, что уже произошло где-то в прошлом или будущем, — королева смотрит на меня своим пронзительным взглядом, будто я ей что-то должен, — Если бы он был внимательнее, он бы тоже заметил. Нужно просто научиться слушать.

Если она намекает на мои нейриты и то, что я умею ими делать, то надо быть полной дурой, чтобы признаваться, что она это знает. Никто за пределами Техонсора об этом знать не должен, или будет убит. Это же подрывает всю нашу политику, если бы все знали, что дипломаты меняют мысли правителей, к нам бы на выстрел катапульти не подошли. Разве что чтобы бросить бомбу в наш город, раз двести.

— И как небесные люди живут, чтобы быть в гармонии с Вселенной? — интересуется Джай, уже совершенно не скрывая сарказма. Я стараюсь незаметно ткнуть его хвостом под ребра.

— Нужно быть ближе к ней. Как можно выше, — отвечает королева с таким апломбом, будто открывает тайну вечной жизни, лекарство от всех болезней или как стать всеведущим, — Чем тише вокруг и внутри, тем легче слышать то, что действительно важно.

Сперва мы с Джаем просто смотрим на нее, успешно скрывая истинные мысли об этом утверждении, но потом уже Джай тыкает меня под ребра.

Я не сразу догадался, что он имеет в виду. А потом подумал: почему бы и нет? Люди Биверна до неадекватности влюбились в полеты. Что, если подаренный Небесному Городу дирижабль станет нашей дипломатической победой? Хотя и замороженные, но они тоже всего лишь люди.

Джай косится на машущих ему издалека слуг и уходит с выражением облегчения на лице.

Пока я думал, как преподнести дирижабль королеве, Джай вернулся, неся на плече почтового сокола, что довольно странно для наших сотрудников, в том числе не состоящих в штате, а наемников, как Джай. На его лице написана скорбь тысячелетий. Я вопросительно смотрю на него.

— Они должны идти. Будь у них ваше мировоззрение и душевная сила, они бы не сочли этот повод достаточным. Но в их нынешних обстоятельствах... им нужно идти.

Королева понимающе кивает. У меня складывается ощущение, что она уже знает, в чем дело, а я — все еще нет. Мне становится тревожно.

Мы чинно прощаемся, невероятно долго. Невыносимо долго. Кажется, в сто раз дольше, чем обычно. Джай зажат и одеревенел, моя тревога начинает зашкаливать. Мне почему-то кажется, что это связано с тем, что Марта не ответила на мои последние сообщения. И дело не в сломанном коммуникаторе или ее рассеянности.

Мы покидаем надстройки, или подстройки, то есть те коридоры, что петляют между корней дерева. Джай жестом велит сопровождающим нас дамам исчезнуть. Я близок к нелицеприятному эмоциональному выбросу. Проще говоря, если я сейчас же не получу ответы, то набью ему морду за то, что не говорит, в чем дело.

Джай топчется на камнях, поросших мхом, дышит тяжело.

— Говори, или получишь гипервентиляцию легких, — требую я, стараясь скрыть свои чувства.

— Я бы предпочел второе, — Джай обхватывает себя крыльями, сам себе обниматель.

Я расстегиваю ворот туники, собираясь освободить нейриты. Джай качает головой, он не хочет, чтобы я узнал таким образом — не хочет быть гонцом с дурной вестью. Он вручает мне свернутое в тугой рулон письмо, которое принес ему почтовый сокол. Отходит немного в сторону. Наверное, мне все же не удалось скрыть чувств, и он осознает риск получить по морде.

Я смотрю на него косо, подозревая, что это плохой розыгрыш.

Высоко над нами ветер колышет ветви, на которых стоят небесные жители.

Разворачиваю лист.

«В понедельник около трех часов дня Марта Арлахазар Фелина трагически погибла в окрестностях горы Арагахта. Причиной считаем несчастный случай, приведший к падению с большой высоты. Смерть наступила мгновенно».

3. Потерянный рай

Ветер завывает за окном. Зверская метель бушует на горе Арагахта, в которой я построил замок для нашей семьи.

В моей душе стужа куда более ледяная и острая, чем воющие голодные ветра. И если мамонтавы правда существуют, им лучше держаться от меня подальше.

Со мной Киндра и Эстебан. За окном маленькие фигурки шастают по горе, невзирая на непогоду. Среди них есть марионетки — управляемые гигантской дрессированной сколопендрой работники без собственной воли. Есть разумные специалисты. У некоторых из них спецтехника. Они уже несколько часов как искали улики на тот момент, когда мы прибыли в замок. Впрочем, нарастающая непогода уже лишила их всех шансов восстановить картину произошедшего. Которых и было-то немного.

Я не верю, что можно вот так просто лететь в свой дом на горе и рухнуть. С чего бы? Свело крыло? Переела супа накануне? Задремала на ходу? Такое случается, когда едешь в уютном вездеходе, а не на собственном мышце. Это даже не смешно.

Тут точно есть причина. Возможно, кто-то ослепил ее с земли. Оглушил и столкнул с соседней вершины, пока она любовалась видом. Подсыпал дезориентирующий яд, или что-то вроде того. Я уверен, что это не случайность, хотя не знаю, что искать. Мои гипотезы про отравление отверг Саймон, занимавшийся экспертизой. А это был самый адекватный вариант.

Не знаю, как выглядит со стороны мое убитое горем лицо, но Киндра смотрит на меня настороженно и с опасением, а Эстебан, подышав со мной одним воздухом, оставил свои неадекватные шуточки. Надеюсь, пока он с Рэйвором, он все еще их придерживает для более выносливых ушей. Однако, мне дорого участие их обоих, они — само воплощение поддержки, я рад, что у меня есть такие друзья.

Эстебан — плод трудов генных инженеров, поколение где-то после Авеля, шаг в сторону новой династии, создавать которую передумали. Не оправдала ожидания. Он, как и АVELь, демонстрирует черты рептилии, с куда более развитыми способностями к мимикрии и скорости. Он хладнокровная тварь, что прячет его от взгляда в тепловом спектре, полностью сливается с любой поверхностью, меняя цвет чешуи, умело подавляет любые сигналы своего тела. Мои нейриты не ощущают его, если он не хочет — Эстебан словно забирает обратно в себя свой запах, создаваемые его сердцем микроколебания пространства, даже мозговой ритм. Не ошибусь, если скажу, что он краткосрочно умирает, иначе я не могу объяснить, почему когда он от меня скрывается, я не слышу ионные токи в его теле, возникающие вследствие естественной работы внутренней биохимии, которая в живом теле работает без промежутков. Вероятно, вся хитрость в коже. Что-то происходит с его шкурой, что делает ее не пропускающей... Ничего. Ничего изнутри — точно, как насчет снаружи — не знаю. Возможно, в таком режиме скрытности Эстебан невосприимчив к радиации. Но это не точно.

Добавим сюда суставы, гнущиеся во все стороны, невообразимую ловкость и скорость, быструю регенерацию — я видел, как Эстебан отрастил новые ноги, сразу три штуки, за считанные недели. Здесь начинаются его черты от других тварей, совсем не родственных Авелю. Четыре пары гибких ног, пара клешней, ядовитое жало. Во имя функциональности, в младенчестве клешни Эстебана немного модифицировали, так что у него есть еще и по четыре гибких пальца на каждую руку. Очень хотел бы я знать, как развивалась та часть его мозга, которая отвечает за мелкую моторику. Ведь его организм такую моторику в себе не закладывал, может, и части мозга для нее нет? Но, раз пришитые пальцы он развил, значит, так можно.

В общем, Эстебан — черная чешуйчатая тварь с кислотно-зелеными пятнами, грациозно плывущая по стенам и потолку, покачивая ядовитым жалом и глядя на мир большими крокодильими глазами. Мой лучший друг.

Киндра все еще не проронила ни слова. Она пару раз передавала мне свои соображения через нейриты. О том, что случайности бывают, что нет оснований полагать, что это убийство. Я не потруился привести аргументы — ограничился трансляцией своей несокрушимой уверенности в обратном. Я не смог заразить этой уверенностью свою спутницу, но спорить она прекратила.

Из наших с ней коротких контактов я знаю, что Киндра в шоке и подавлена. Несколько дней назад они с Мартой шутили, а теперь ее больше нет. И кое-что еще: пустота. Тяжелая, объемная, удушающая. Я тоже ее чувствую. Это не обычное чувство горевания, это что-то, что я пока не могу объяснить, но у нас с Киндрой оно одинаковое. Стоит поперек всего восприятия и давит, и ничто не помогает от этого избавиться.

Это Киндра отправила почтового сокола. С момента отчета о прибытии в Небесный Город, я отключил коммуникатор, согласно инструкции, и не мог получить новость привычным способом. Никто не хотел брать на себя задачу сообщить мне о смерти супруги. Ведь это всего лишь новость, подождет до окончания дипломатической миссии, рассуждали они в духе Техонсора.

Но Киндра не так видела ситуацию. Это же член семьи. Это же моя любимая. Это не просто новость, это многократно выше любой дипломатической повестки. Киндра черкнула короткую заметку, пока никто не видел, и отправила через ближайшего Небесного Охотника, это оказалось значительно быстрее, чем если бы я продолжил свою работу и вернулся к коммуникатору к вечеру. И намного лучше так, чем получить от диспетчера: «Арлахазар Мэлвин Парсеваль, по завершению переговоров с Небесным Городом езжайте в морг опознать свою мертвую жену».

Я благодарен Киндре за то, что получил это известие. Но я раздавлен все равно. Марта — это вся моя жизнь. Во многих смыслах.

У нас небольшая разница в возрасте. Мы родились и росли в одном месте. Впервые я запомнил ее трехлетнюю, когда она сбежала из яслей. Но осознанно узнавать друг друга мы начали когда ей было около двенадцати. Изучив наши родственные способности управлять мыслями и чувствами, нас объединили в пару для того, чтобы мы помогали друг другу развивать навыки, выходящие за пределы доступного любому другому существу в этом мире.

Хотя, не скрою, наша симпатия зародилась намного раньше. Просто в нашем городе... Непросто это все. Так что без рационально обоснованной возможности, у нас бы не было шанса оказаться рядом.

Потом был ряд командировок, призванных обучить меня дипломатическому искусству. Которые я использовал в личных целях. Я напросился в Одаринн, к зверьям, расписав очень убедительную стратегию внедрения, которая должна была помочь нашему союзу.

Я хотел туда. Меня манила дикая свобода этих мест, и моя внешняя схожесть с местными. Мне казалось, я найду тут что-то родное. Я в любом случае должен был быть отослан на годы в места, политически маловажные: в случае дипломатического провала, я бы не испортил репутацию города. Однако, со зверьями провал был невозможен: они, как и жители Небесного Города, тотально не интересовались отношениями с Техонсором. А мои красочные описания стратегии выстраивания отношений дали робкую надежду, что однажды у нас появятся подопытные рабы-зверьяне, чрезвычайно ценные для генной инженерии.

По правде, я там духовно рос, учился фехтованию, играл на виолончели и наслаждался свободой. Писал письма Марте. Сочинил для нее композицию «Музыка Ветра в твоих волосах». Получилось очень красиво.

Однако, мне пришло время возвращаться. Чтобы стать винтиком в механизме системы Техонсора, прикручиваемом куда угодно без личного согласия.

Тогда я впервые нарушил правила.

Осознавая, что вольготная жизнь с любовной перепиской закончена, и я могу на черт знает сколько лет быть отправлен в любое место, я отклонился от маршрута, пролетел мимо Техонсора, подобрался почти к самому экватору и нашел Марту на ее задании в Ниморо.

Я сыграл ей композицию, о которой она раньше только читала в моих письмах. Я узнал, как она изменилась за эти годы. Я запомнил, что она впитала об отношениях из тех культур, с которыми познакомилась.

Я сделал ей предложение по традициям зверян гор Хрустального Эхо. Мы переплели несколько прядей своих волос друг с другом, отрезали их и отпустили в реку, чтобы наши судьбы переплелись навечно и плыли по течению жизни до самого конца. Я играл «Музыку Ветра в твоих волосах», пока кусочек наших грив уплывал за пределы нашего видения. Именно это я представлял себе, когда придумывал эту композицию.

Мы недолго беспокоились, что меня накажут за отклонение от маршрута. И долго — что наш брак не одобряют в городе и заставят сойтись с теми, кого нам выберут. Мы поклялись любить друг друга вечно, даже если нас принудят к каким-то другим союзам.

Но, усилиями Саймона, нас зафиксировали как постоянных партнеров. Нам позволили построить свой дом на поверхности, как они выразились, «для создания оптимальной среды для продолжения рода».

Мы были друг для друга надежной опорой в этом мире, где ничего нельзя решать. Мы были друг для друга доверием, отдушиной и единством. Мы были друг для друга десятки лет.

Нас больше нет. Я один.

Я тяжело вздыхаю. Мое тело измощено внутренними волнениями, его жалобный голос впервые слабо прорывается сквозь пучину моей потери.

Мой замок из белого камня гармонично вписался в ландшафт. Он словно врос в гору, являясь ее логичным продолжением или таинственным углублением в загадку старой громадины. Как говорил Саймон, выбивая разрешение на строительство такого семейного гнездышка: «Гены горного орла требуют соответствующего климата и высоты для создания наилучших условий для организма». И что-то там еще про гены льва и человека. В общем, обосновал и гору, и замок, и север, и высоту. Нам позволили иметь свой дом на поверхности. Единственным во всем Техонсоре.

Я сделал в своем доме пол из искусственного камня. Этот материал плохо проводит северный холод, за него не цепляются когти, зато можно их поточить. Хотя нет, нельзя. Животные инстинкты табуированы.

Камины зажжены и пышут жаром. Все светильники погашены, но сейчас день, и, хвала моим архитектурным талантам, удачно расположенные окна заливают светом все помещения.

На стенах мои трофеи. Это подарки от друзей, или тех, кто считает моими друзьями себя, или меня — их другом. Их так много, что стен и стеллажей не напасешься. А в силу богатства и значимости некоторых моих знакомых, для многих даров нужны целые золотые пьедесталы.

Но в моем доме главное сокровище — моя семья. Поэтому мы с Мартой не стали делать музей дорогих подарков, а оставили место для танцев и детских игрушек. А большая часть трофеев отправились в кладовку.

Однако, кое-что можно увидеть на стенах. Здесь перья грифона короля Аэфоса. Дар сомнительный, но частица самого рослого и выдрессированного зверя питомника — внушает немного уважения. Особенно если знать, сколько стоит он целиком. Примерно как все грифоны города вместе взятые. А сколько их в городе, известном своим питомником боевых животных, не трудно догадаться.

Рядом меч, подаренный мне главным советником при короле Гидепорка. У него есть свое имя, он передавался из поколения в поколение. Какая честь иметь этот меч! Для кого-то с другой системой ценностей. Мне больше нравилось, когда Марта пекла булки с корицей, чем получить этот меч.

Далее копия книги Всеобщей Справедливости из дворца Справедливости. Простите за каламбур. Эти ребята полагают, что создали систему законов, единую для всего мира. Из-за этого иногда возникают конфузы. Последние годы, не без моего участия, дворец Справедливости перестал совать свой нос не в свое дело, зато особо неприятные дела передают ему, дабы руки не мазать. В общем, из дотошного выскочки дворец стал удобным наемником.

В завершение этой части стены расположилась засушенная лиана из Венга-Линги. Капризное растение, обладающее впечатляющими целебными свойствами. Кому попало не дают. Говорят, может оживлять мертвых.

Но для меня все эти дары — знак моей продвинутой убедительности, шарма, дипломатичности. Я не заслужил тех чувств, которые вызвал в дарителях, просто я убедителен, обворожителен и мастер своего дела.

Я отламываю кусочек лианы из Венга-Линги и сую себе в карман.

Единственный во истину ценный дар — катаны, куда более длинные, нежели их делают обычно. Это не трофей, это действительно подарок, сделанный мне учителем боевых искусств из Одаринна. Мечи не пылятся на полках, не украшают стены — они всегда за моей спиной, этим даром я действительно дорожу. Конечно, на некоторые приемы их с собой не возьмешь — тогда они отдыхают в вездеходе.

Мы проходим в просторный зал. Рядом с камином стоят два кресла-качалки. Марта шутила надо мной, когда я в нем сидел, надев очки для чтения, — мол, дедулю изображаешь. А потом садилась в такое же, надевала очки и читала. Я глубоко вздыхаю. Вид пустого кресла... Да и весь пустой дом... Я не могу больше здесь находиться. Это как будто душащая внутренняя пустота скопировала себя наружу и давит меня с двух сторон.

— Арл, я потерял твоего сына! — перепуганным плачущим голосом орет Эстебан.

Рэйвор сидит у него на хвосте. Эстебан крутится на месте, решительно не оборачиваясь.

— Пожалуйста, без паники. Он наверняка где-то здесь! — он заглядывает под ковер. Эти шерстяные чудовища есть в комнатах, где играет Рэйвор — ему они нравятся, — Ну в самом деле, не мог он далеко уйти, он еще не ужинал, он слишком ослаб и долго не протянет!

Эстебан карабкается на стену и проверяет щели между шкафами и потолком, заглядывает в картины, ищет между страницами альбомов. Рэйвор беззвучно смеется, он в восторге от происков своего дяди. Да, для ребенка мы окрестили его дядей. Родство в Техонсоре — штука не очевидная, ведь если большая часть гибридов появились из пробирки, то в равной степени верно как утверждение о том, что у них нет никаких родителей, так и то, что у всех одни и те же родители — ученые, которые их создали. Одна большая семья сирот.

— Да что же вы ржете?! — бросается он на Киндру, — Помогите мне!

— Я думаю, мы можем выманить его на булку с корицей, — предлагает она.

— Не можем. Он их все съел, — Эстебан театрально хватается клешнями за голову и сокрушенно опускается на пол, — Горе! Как нам теперь быть?

— Я что-то чую..Что-то, — я втягиваю носом воздух, пока не глядя на Рэйвора, но медленно двигаясь в его сторону, — Похожее на корицу. Думаю, так может пахнуть тот, кто съел булку с корицей.

Я бросаю взгляд в сторону Рэйвора и вижу убегающий в пучину игрушек кончик хвоста. Оглашающий смехом всю комнату.

— Чутье обмануло меня! Но я точно что-то слышал.

Рэйвор смотрит из укрытия, почему-то считая, что если часть его головы скрыта, то его в целом не видно. Я шевелю ушами, подкрадываюсь к куче игрушек.

— Нет, не то, — отбрасываю плюшевого пони, — Нет, это тоже не похоже... Ага! Я тебя вижу! Я тебя поймал!

Я беру его на руки и вздрагиваю от щелчка электричества — Рэйвор только начал осваивать нейриты, пока они грубо и бестолково отражают его чувства, иногда помогают снять

немного информации с детей его возраста, а все прочее время делают какую-то дурь со статическим электричеством.

Он виляет хвостом, смеется. «Папа» говорит. Тянется к моим нейритам, чтобы узнать новости.

Я все еще не знаю, как быть. Вроде бы, уровень его развития не позволяет ему понять лишнего — то, что он не готов узнать, словно и не попадет в его голову. В три года еще нет концепции смерти и осознания конечности бытия.

Вроде, его детский взгляд на жизнь и смерть позволяет ему легко перенести такую новость. Саймон подробно рассказал мне по видеосвязи, как лучше поступить. Но я, кажется, не готов принять решение. Я не хочу об этом распространяться, не из-за сына, а из-за себя. Из-за вопросов, которые меня накроют. Из-за его рыданий, быстро сменяющихся обычными играми, в силу его возраста.

А что я? Я так не могу, я буду рыдать намного дольше.

Я оглядываюсь и вижу, что меня оставили одного с моим решением и этим невыносимым, любимым наследником, уже выражающим нетерпение и недоумение из-за моего промедления.

Я могу оттолкнуть его. Я могу передать нежелание делиться. Я могу ничего не передавать, пусть сам смотрит издали, он не увидит ничего доступного его пониманию.

Но это не честно. Да и свет учености говорит... Черт бы с ними, как бы умны они ни были, они — посторонние люди, а живу тут я.

Рэйвор нетерпеливо крутится, шарит нейритами около моего загривка.

Я создаю контакт и открываю подготовленную ужатую информацию. Без моей паранойи, как бы обоснована она ни была, без политических вопросов, без эмоций. Просто факты.

Мы сидим в вездеходе. Один из входов в подземные трассы, расплзшиеся на треть материка от Техонсора, расположен под Арагахтой. Не потому, что тут мой дом, а потому, что Биверн достаточно далеко: можно выходить здесь и не создавать подозрений. Наша транспортная система хорошо скрыта. Снаружи — на конях, внизу — на машине.

Рэйвор только что прекратил реветь «Мама» и задает тысячи вопросов о нашем путешествии. В подземке он третий раз — иногда Саймон не может провести плановый осмотр в нашем замке, и мы ездим к нему сами.

Эстебан взял на себя функцию шута горохового. Я благодарен ему. За прошедшие два часа Рэйвор замучил меня вопросами: «А когда мама вернется? А почему? За что? Что сделать, чтобы вернулась?». Потом забывал, что я ответил, занимался обычными детскими делами, вспоминал про маму и повторял по кругу.

Что-то внутри меня скукожилось и разбухает. Мне кажется, я начинаю понимать, что это. Это наша нейронная связь с Мартой. Как миллионы проводов, которые раньше куда-то направлялись, а теперь лежат разорванные.

Мы с Мартой — не только знакомы большую часть жизни. Не только знаем друг про друга все, доверяем, едины умом и телом. В силу нашей природы, наша связь была еще и биохимической. Это добавляет в мое проживание утраты почти что наркотическую ломку.

Киндра расположилась на переднем сидении и устала в свой коммуникатор. Она испытывает похожий дискомфорт, хотя не так сильно выраженный, как у меня.

Я держу Рэйвора на коленях. Мимо нас проносятся пятна мягкого неоновых света. Гладкие металлические стены отражают его, делая освещение почти равномерным.

Тихий размеренный гул убаюкивает. Иногда рядом мелькают другие вездеходы. Спешащие по своим делам или припаркованные.

Я странно себя чувствую. Я не уверен, что действительность — действительна. Разве может быть так ненадежно? То, что только что было, теперь не существует, и всему виной — досадная случайность?

Разве возможно, чтобы полное жизни, мыслей, чувств и прочих густых субстанций существо просто бесследно исчезло? Где теперь Марта? Что теперь Марта? Ее физическое тело превращало пищу и воду в вещества, которые порождали биохимические и электрические процессы. Физическая форма создавала форму ментальную, с которой свободно умели обращаться мы, но не наделенные нашими способностями создания не ведали, что есть за пределами мяса и крови, из которых сделаны наши тела.

Но что есть еще, что не воспринимаем мы? Во что превращается ментальное? Не пректла ли Марта в другую форму? Не потерялась ли в пространстве за пределами мяса и крови?

Я останавливаю свое падение в околоэзотерическую пропасть. Смотрю на Рэйвора. Он притих и смотрит в окно, словно там есть что-то интересное. Этим детям только окно подавай, все глаза выглядят, еще и слюной капать будут. Даже если окно закрашено.

Когда мы доехали до города, Рэйвор спал на моих руках. Я рассеяннo гладил его голову, стараясь ни о чем не думать. Получалось плохо.

Я столько раз ездил здесь один, и все равно, кругом нахожу ассоциации, вопящие о том, что кого-то не хватает. Кто-то должен быть рядом, но ее нет.

И это очень больно.

Водитель, кто-то из искавших улики, направляет свой коммуникатор на дверь и несколько секунд ловит сканер. Только сейчас я понимаю, что это Скирон, с которым мы вместе проходили уроки экстремального вождения. Наверное, было невежливо за все это время даже не поздороваться, но ситуация не располагает к вежливости и беседам. Я правда заметил его только сейчас. Наконец, сканер распознает его как сотрудника, тяжелая железная дверь поднимается так легко и гладко, будто это скользящее по льду перышко. А между тем, эту толщу металла не пробьет даже огонь дракона.

Я бережно выношу Рэйвора на руках, стараясь на будить, и направляюсь к лифту. Пока я жду его, я не замечаю, что рядом оказалась Киндра. Она молчит, я молчу тоже. Я очень надеюсь, что мы никого не встретим по пути в мои апартаменты в Техонсоре.

Как я уже говорил, Техонсор — великий город, опередивший свое время во всех аспектах развития. Огромный, впечатляющий подземный мир, расположившийся на дне кратера, который не объять взглядом. Величественный и неповторимый, совершенно ни на что не похожий и не понятный. В нем круглосуточно горит искусственный свет, он создает тепло и холод, он окружил себя постройками, которые обеспечивали работу всех этих и многих других благ.

Гладкие стены блестят в лучах искусственного света. Рэйвор проснулся и завороженно оглядывается — в этой части города он никогда не был.

— Киндра, пожалуйста, попроси кого-нибудь у Страли, чтобы посидели с Рэйвором, — говорю я, — Мне нужно... кое-что сделать.

Киндра утыкается в коммуникатор, пишет запрос.

Мы спускаемся по узкой лестнице. Кругом все белым-бело. Белый цвет, стерильность, яркий свет — так же ассоциируются с Техонсором, как всеведение, прогресс, «ачтоэтозаштука?». Последний момент особенно тяжело переносится стареющими местными и теми, кто тут вообще не разбирается. Я пока молод, испытываю только информационную перегрузку, сталкиваясь каждую неделю с новыми законами, возможностями, перспективами. А каково старикам? Есть тут один, до сих пор чтит паровой двигатель... Нам с него смешно, но сами такими будем.

— Страль встретит тебя сама, иди к лифтам на пятом уровне. Меня вызвали, — Киндра махнула мне на прощание и ушла.

Я свернул в ответвление в коридоре, направляясь в описанное ею место, но по рассеянности, недосыпу или из-за личных трудностей ошибся и свернул в зал расходного материала. Он же — зал анабиоза. Сам-то я часто срезаю путь по этой траектории, но делать это с ребенком точно не стоило.

Хоть моя оплошность и длилась пару мгновений, но взгляду проснувшегося Рэйвора предстала весьма интересная картина — стерильные стены округлого помещения едва видны за навешанными тут и там людьми. Не только вдоль стен — на железных каркасах висят бледные, лысые тела, заполняя все пространство ровными рядами. Их здесь сотни, если не тысячи. И в центре зала сияет толстый стержень с прозрачными стенами, заполненный сияющей переливающимся светом плазмой: резервуар с энергией, пронзающий город насквозь.

В зале анабиоза представители всех рас, разных возрастов, полов. Я закрываю дверь с жутковатыми рядами неподвижный туш, во лбах которых вытатуированы номера, и устремляюсь дальше, еще надеясь, что Рэйвор смотрел в другую сторону.

Но он крутится и выражает вопрос.

— Папа, кто это?

— Они не настоящие. Это куклы. Если понадобится сделать какую-то работу, их включают.

Это не такая уж неправда. С одной стороны, это живые существа, с другой, они действительно выключены. В анабиозе.

Мы на пятом уровне. Буквально через секунду меня находит Страль.

— Рэйвор! Как ты вырос! — она берет его на руки, — Я так по тебе скучала! Пойдем поиграем?

Рэйвор не против. Страль он знает, ясли — тоже.

— Мы будем в пятом секторе, — кивает она мне, — Скорее всего, где филогенез. Найдемся!

Он легко позволяет увести себя от меня. Я смотрю в след сероволосой женщине с хвостом, оканчивающимся кисточкой, как у меня, и думаю, ушла ли она так стремительно, чтобы не дать Рэйвору переключать внимание на неудобные вопросы. Или чтобы самой не оказаться в пучине этих вопросов. Я уверен, что уже весь город в курсе произошедшего.

Я немного стою, потупившись. Сейчас моя дорога лежит в промежуточное место между городом и крематорием. Там морг. Там меня ждет Саймон. И я совершенно не хочу туда идти.

Мы сидим в гладком прохладном помещении. Пахнет хлоркой и мясом. Совершенно пищевой запах — как в магазине, где собираешься купить говядину к ужину. Немного странно, и, наверное, звучит чудовищно. Но как есть, так есть.

Даже здесь, я ощущаю издалека запах Марты. Не как запах мяса, а как запах Марты.

— Оpozнание не требуется. Ты можешь не входить, — говорит Саймон.

Он главный генный инженер города. Это он создает в пробирках всех гибридов. Не будет большой ошибкой сказать, что это он создал нас обоих. Поэтому он здесь, хотя, в сущности, не имеет никаких дел в морге. Отпросился по большому случаю, что, впрочем, не защищает его от нарушения инструкции — может и схлопотать.

Он уже не молод, ему скоро шестьдесят лет. Его волосы серого цвета, нечесаны, не стрижены, как и полагается человеку, который нырнул в работу с головой много лет назад и больше не выныривал. У него серые глаза и бледная кожа, не видящая солнце годами. Он редко выходит на поверхность, зато каждый раз оставляет за собой след в истории местных: как легенда медицины, целитель от Бога, иногда даже воскрешающий мертвых.

Жаль, что это не так.

— Конечно, я не могу не входить, — вздыхаю я, — Кроме всего, я не исключаю, что я смогу увидеть что-то такое, что пропустила экспертиза. Я знаю, что это убийство, а не несчастный случай.

— Я с тобой согласен.

Я смотрю на него вопросительно. Такого вердикта мне еще не говорили.

— До тех пор, пока мы не получим запротоколированные результаты исследований, мы не говорим об этом, но это формальные моменты. На теле есть следы когтей крупной птицы, которая не обитает в тех краях. И колотое ранение в область грудного отдела позвоночника, полученное до удара о землю. Вот этим.

Он показывает мне остро заточенную деревянную пластину. Она бурая от следов крови и пахнет Мартой. Мои глаза наливаются кровью, я беру пластину и нюхаю ее.

— Такое дерево не растет на севере. Где вы ее нашли?

— Ну... В тканях. После падения с такой высоты, орудие не осталось там, где оно было изначально, но я думаю, что что-то наверху ранило Марту в позвоночник, из-за чего ее крылья больше не могли держать ее. Еще я думаю, что нужна большая сила и упорство, чтобы повредить позвоночник деревянным инструментом. И, в заключение, а считаю, что намного рациональнее было бы использовать оружие другой формы и материала, но кто-то хотел скрыть, что это нападение. И полагал, что, найдя деревяшку, мы подумаем, что тело Марты напоролось на нее уже после падения.

— Напоролось на древесину, которая растет в южной части средней полосы. Обработанную рукотворно, заточенную и отшлифованную. Очень убедительно.

Я передаю деревянную пластину Саймону. Мне стало немного легче от понимания причин, от осознания, что я не паранойик. И тяжелее от мысли о том, как умирала Марта. Мое воображение рисует мне, как что-то рассекает ей позвоночник на высоте несколько сотен метров. Как ее крылья отказывают, и она падает, прекрасно осознавая свое положение и не имея возможности что-то предпринять. Возможно, зовет на помощь, без малейшего шанса помощь получить.

Потом — удар о камни. Плашмя? По касательной? Осталась ли она лежать на месте, или катилась по снегу?

— Она умерла быстро? — спросил я, ощущая нарастающий ком в горле.

— Либо мгновенно, либо через две-три секунды после удара. Это не было мучительно.

Я вспоминаю, как в Биверне, прощаясь, она сказала, что хочет со мной поговорить. Я думаю, что это было непосредственно связано с ее скорой смертью.

Саймон кладет руку мне на плечо.

— Вы мои дети. Увы не кровные. Но вы оба мои дети, — слышу я его голос. Мое сердце глухо колотится, как будто не во мне. Как будто я со стороны наблюдаю за страданиями своего вымотанного переживаниями тела. Я вытираю лицо рукавом, и вижу, какой он стал мокрый.

— Покажи мне след когтей хищной птицы.

Я поднялся, подошел к серым дверям морга и шагнул внутрь. Мир сжался до серых стен и металлических столов. Стены были покрыты холодным светом ламп, отражавших оттенки синевы и белизны. Каждый звук — капля воды, тихий гул вентиляции — казался громче, чем был на самом деле. И в запахе свежего, и не очень свежего, мяса — запах Марты. Как запах моей жены. Как запах ее крови. Как запах ее мяса, который я никогда не знал, и не хотел знать.

— Арл, от нее мало что осталось, — предупредил Саймон, вставая рядом с накрытым белым нетканым полотном столом.

Я открыл тело, освобождая его от тяжелой обязанности.

Что ж, самое целое, что я увидел, это одна четвертая часть лица, с целым глазом, скулой и кусочком верхней челюсти, на которой не сохранились зубы.

Похоже, удар о камни пришелся по касательной, после чего тело катилось по наклонной плоскости с неровными камнями, пока, разрываясь о них, не затормозило полностью.

Некоторые ветки, травинки и камни потерялись в тканях. Смешались с ними. И, хотя общий контур тела попытались восстановить, сложили отделившиеся фрагменты примерно в те области, где им место. Все равно, это больше походило на груды останков, чем на тело.

— След когтя хищной птицы, — Саймон просовывает руки в перчатках под кровавое месиво, приподнимает его и переворачивает. В этот момент я понимаю, что передо мной часть грудной клетки, с переломанными ребрами и лопаткой с обратной стороны, — Вот. Внизу лопатки. Возможно, были бы еще следы когтей, но мы не можем их восстановить.

Я освобождаю нейриты и прислушиваюсь к нейронному следу когтя. Он сохранил в себе много информации.

Где пачкала свой педикюр эта птица. Состояние здоровья ее ноги. Как устроен ее центр тяжести. Болезни, если есть.

— Это беркут. Расположение его пальцев мне понятно, этот след — нижний палец, значит, остальные должны быть по верхнему краю лопатки.

— Который утерян или стерт в порошок.

— Это не важно. Важно то, какую он использовал хватку. Ему нужно было удержаться на спине. Вряд ли он хотел покататься. И, учитывая травму спины деревянным орудием, выдвигаю гипотезу, что ему нужна была опора для того, чтобы нанести совершенно не случайную травму.

— Птица не обладает достаточной силой, чтобы вогнать что-то между позвонков.

— Судя по распальцовке, тут имело место смещение центра тяжести, его движение срывало что-то в области грудной клетки. На птицу что-то было надето. Довольно тяжелое, весом от двух до трех килограммов, точнее не скажу. Спереди и сзади одинакового размера.

Я провожу нейритами над всем телом, но больше никаких любопытных наблюдений у меня нет.

— Это все? — спрашивает Саймон после долгого молчания.

— Да. Дай мне несколько минут.

Он кивает и уходит. Я жду, когда за ним закроется дверь. Я представляю себе птицу с нелепым рюкзаком, держащуюся за спину Марты, и пытаюсь понять, что произошло там, на большой высоте. Где меня не было рядом, чтобы защитить ее. Мою жену. Мать, летевшую домой, к трехлетнему сыну.

Я смотрю на знакомый глаз. Я даже не могу коснуться ее холодного лица. Мне и проститься не с чем.

— Почему? — выдавил я, и в собственном голосе я слышу ярость, растерянность и боль, — Почему тебе это сделали?

Каждое воспоминание о Марте, каждое мгновение нашей совместной жизни — детские улыбки Рэйвора, тихие вечера, доверие, что было между нами — все это сжимается в тугой узел. Нашей непростой жизни в непростом мире, где мы даже не выбираем, когда быть рядом и можно ли поделиться чем-то важным тогда, когда ты к этому готова, а не тогда, когда найдешь безопасное место, без слежки и подслушивающих устройств.

— Что ты не успела сказать мне, Марта?

Я достал из кармана кусочек лианы из Венга-Линги. Растирая его между пальцами, посыпал груды останков, как будто специями. Глупо. Конечно, здесь не на что надеяться. Даже если это растение оживляет мертвых, вряд ли оно оживит кучу мяса, перемешанного с землей, травой и кустами, растущими на горе, об которую это мясо растерли в фарш, как об терку.

Я жду, глядя на стол. Ничего не происходит.

Снова вожу над ним нейритами. Никаких сигналов.

Где она теперь? Что она теперь?

В природе никто не может исчезнуть, лишь перейти из одной формы в другую. В какую форму перешла личность Марты? Ее мысли и чувства? Где они теперь?

Не может быть, чтобы лишь только в форме мяса.

Я поднял с пола нетканное полотно и закрыл им стол.

Шаг за шагом я отступил от стола с телом Марты. Сердце горело нестерпимой болью, но ум оставался ясным: начинается охота, и она будет безжалостной.

4. Король прогресса, прогресс короля

Король стоит на возвышении, метрах в тридцати от меня, опираясь руками на перила. Его голова, наполовину утопая в огромном воротнике, похожем и на веер, и на хвост павлина-альбиноса, окутана мягким голубоватым светом — она лысая и узкая, тонкие губы сжаты, глаза прозрачны и спокойны.

На нижнем уровне эллипсообразный стол, кажется, из стекла. У него нет ножек — это эллипс, согнутый пополам, он сам себе опора. По правую сторону от него сидят Киндра, Эстебан, Герберт — генетик, Мануэль — гениальный, но при этом странноватый ученый из инженеров, потерявший здравый смысл после проведения рискованной процедуры с его мозгом, Саймон и Николо из сектора кибернетики, и ожидающий меня пустой стул. Все сидят лицом к королю, но смотрят на меня.

Я опустил в одно из кресел за эллиптическим столом — в одно из отвратительных кресел обтекаемой формы, которое совсем не оставляет места для моего хвоста. Смотрю на Эстебана, проживающего все совещания стоя — для него вообще не предусмотрели подходящих условий, мне ли на дискомфорт в хвосте жаловаться.

Король рассматривает свои руки. Он до того неподвижен, словно умер несколько лет назад, но был удачно забальзамирован. В зале висит тишина, я ощущаю неловкость.

Атыл-Геч Рауль — король — глубоко вздыхает и поднимает на нас бледные глаза.

— Прежде всего, хочу выразить глубочайшие соболезнования и бесконечное отчаяние по поводу нашей всеобщей большой потери. Все, что должно быть сказано и сделано в отношении незаменимой Марты Арлахазар Фелины, будет сказано и сделано в первое воскресенье грядущего месяца. На этом, простите, я вынужден с этой темой пока закончить.

Атыл-Геч переводит дух. Для него это странно и нетипично.

— Не буду тянуть. Есть все причины полагать, что ее смерть не была несчастным случаем. И это тем более тревожно, что незадолго до нее мы потеряли Авеля. В смерти их обоих как-то фигурировала хищная птица. Может быть, это совпадение, но... Черета потерь наводит нас на мысль о злом умысле. Арлахазар, мы в это сперва не верили... Но твоя бдительность и дальновидность, как всегда, оказались верны.

Я изображаю поклон, не поднимаясь. В моей голове беркут с нелепым ранцем пока не состыкуется с рассечением позвоночника древесиной. Но для меня очевидно, что есть злой умысел, и это прекрасно, что теперь это понятно не только мне.

— Итак. Абель нелепо умер, занимаясь известным ему делом. С Мартой произошел несчастный случай с участием птицы, которой не должно было быть в том месте. У нас тенденция. Какие мысли?

— Не так много персонажей Техонсора вылезают наружу, практически все, кто бывает наверху — дипломаты и их охрана. Однако, пока из пострадавших только дипломаты, — говорит Эстебан.

— С кем-то были разногласия, достойные такой кары?

— Король Биверна хотел двигатели в обмен на людей, но это было в процессе обсуждения и без ноток конфликта. На последнем задании Марта нашла, что ему предложить. Да и Абель уже был мертв к тому моменту, — докладываю я.

— Все результаты переговоров есть в отчетах, а, значит, и в моей голове, — мягко напоминает Атыл-Геч Рауль, — Поразмыслите. Кому мы могли помешать? Может, кто-то что-то недоговаривает. Не в смысле сокрытия чего-либо. Может, вы что-то видели или подозревали, но это не относилось к работе и казалось безынтересным.

Король шагает по своему пьедесталу, огороженному перилами. Смотрит на нас. Движения короля плавные, словно он парит в эфире. За его спиной необъятный цилиндрический

аквариум со светящейся голубым неоновым светом субстанцией. Сердце города, чистая энергия, подобно несгибаемому стержню пронзающая весь Техонсор.

Мы с Киндрой переплели нейриты и обменялись соображениями. У нас почти никогда не бывает такого, чтобы мы не знали одно и то же. Можно сказать, у нас пара одинаковых мозгов. В плане информации, и только, мыслим мы не одинаково. Однако, идей не возникло.

— Я видел беркута, — вдруг говорит Саймон. Все глаза обращаются к нему, — Несколько лет назад. Когда предыдущая жена Дора Фаго... Не оправдала наших ожиданий.

— Ты видел его где?

— Рядом с дворцом. Кажется, птица принадлежала Пантану, бастарду короля. Скверному бастарду, которого Дор Фаго не принимает.

— Пантан исчез несколько лет назад, мы полагали, он умер, — произнес король.

— Образ жизни рыцаря наводит на мысль о высокой вероятности кончины в любой момент, но никто не видел его тела и не имеет оснований утверждать, что он и правда умер, — произнес Герберт.

— И какой мы можем сделать из этого вывод? — произносит король.

— Поиск Пантана и дрессированной птицы вне моих компетенций, но совпадение интересное. Я бы поручил проверить его тем, кто компетентен, — развел руками Саймон.

В моей голове беркут с нелепым рюкзаком постепенно обретает смысл:

— Я не знаю, попало ли это уже в отчеты, или их еще пишут. Я заметил в следах когтей, по нейронным следам, что сила хватки и угол смещения когтей не соответствуют естественному положению тела птицы. Проще говоря, движения беркута были изменены, как если бы на нем был надет в области груди некий предмет, весом около двух с половиной килограммов, выпуклый со стороны груди и спины. Мы также заметили, что до удара о землю Марта получила травму позвоночника деревянным орудием, рядом с тем местом, где есть следы когтей беркута. Сейчас я предполагаю, что прикрепленное к птице «что-то» было оружием, которое помогло нанести травмы позвоночника. А птица фигурировала как живой дрон, доставляющий орудие к цели. Это просто моя гипотеза, которая пришла мне в голову, когда я услышал о дрессированной птице.

Король что-то пишет на панели, которую мы не видим. Она у него наверху, и, вероятно, с нее он раздает задания в разные части города. Вероятно, сейчас у некоторых экспертов засветился наручный коммуникатор и они узнали, чем скрасят свое существование в ближайшие дни с различной степенью срочности.

— Хорошо, с этим пока закончим. Дорогие ученые. Прежде всего, хочу похвалить вас за проделанную работу в области исследования сколопендр. Ваши открытия раскрывают перед нами новые двери. Главные из которых связаны с соединением живого и неживого. Ваши исследования сколопендр считайте завершенными и переключайтесь полностью на завершение работы над пилотируемой живым мозгом машиной. Как вы понимаете, не случайно здесь вы все сегодня собрались. Именно в таком составе вы и завершите разработку. Николо, как дела у мозга собаки?

— Мозг собаки в самоходной машине чувствует себя прекрасно. Демонстрирует более высокий уровень развития, чем просто собачий мозг.

— Проводите опыт на человеке. И начинайте поиск кандидата для эксперимента среди обученных сотрудников. Перечень требований к здоровью, квалификации и личным качествам вы найдете в документе, который придет вам на коммуникаторы, — Атыл-Геч нажал пару кнопок на своей панели управления, — Прямо сейчас.

Ученые смотрят на свои наручные коммуникаторы, изучая новое задание.

— В обозримом будущем кто-то из ваших коллег поменяет свое тело на идеальный инструмент вершения открытий в науке. У нас есть время, чтобы выбрать, кто это будет. Обязательная для всех диспансеризация начинается завтра, будет проходить каждое утро в 8:00.

Кандидаты с подходящими критериями здоровья в обязательном порядке отправляются на психиатрическую экспертизу и далее по списку. Итоговая группа кандидатов на трансплантацию в машину ждет моих дальнейших решений.

Я слушаю это и думаю, как можно настолько слабо интересоваться собственными лучшими сотрудниками, чтобы менять тему на текущие задачи с легкостью переодевания перчаток. Как можно своих подчиненных отправлять на пересадку мозга в робота. Возможно, я чего-то не понимаю, или слишком раздавлен случившимся, но мне с трудом удастся держать невозмутимое лицо в этом зале, где только что с темы похорон перепрыгнули на серийные убийства дипломатов, потом похвалили изучение сороконожек, а теперь решают, кому ампутировать мозг. Разве же это нормально?

Да. Здесь это нормально. И я бы продолжал думать, что это нормально, если бы в свое время не провел несколько лет в Одаринне, с другой культурой, менталитетом и философией.

— На этом все, — завершает свою речь, которую я прослушал, Атыл-Геч. — Освободите зал, ваше слушание закончено.

Выходя, я вижу Больдо, начальника отдела диспетчеров и несколько спецназовцев. Пришло время их аудиенции. Должно быть, отправятся на поиски Пантана с его птицей. Ученые энергично что-то обсуждают друг с другом позади меня. Я иду, потерянный, толком не зная, чем мне себя занять, ведь мне пока никаких заданий не выдали. И, наверное, не выдадут: побоятся, что я стану следующим мертвым дипломатом. Где двое, там и третий.

Я решаю посетить отдел филогенеза, где должен быть Рэйвор. Он, конечно, завалит меня тяжелыми вопросами. Нагрузит сложными чувствами. Но я — взрослый, придавленный тяжестью утраты. А он — ребенок, придавленный ровно тем же грузом. Кому из нас сейчас тяжелее?

Я отец. Я должен поддерживать сына. А не избегать, потому что мне самому нелегко.

Я спускаюсь на лифте к лабораториям, минуя зал ожидания, заставленный клетками с рабами. Многие из них сейчас пустуют, но из некоторых выглядывают испуганные голые люди.

Моя карточка открывает передо мной дверь в сектор Саймона. Я задерживаюсь в тамбуре, чтобы продезинфицировать ноги и руки и позволить обрызгать себя антисептиком. После этого, прохожу в просторную лабораторию, по которой сейчас шастают две уборщицы, поддерживающие абсолютную стерильность пола. Хочу пройти в ясельную часть, но меня замечает Страль и жестом зовет к себе: она перебирает бумаги на столе Саймона.

— Где Рэйвор?

— В комнате персонала, спит. Я на секунду отошла, сейчас к нему вернусь.

— Добавь успокаивающее в воду в третьей палате. Два процента. Им тревожно, — слышу я голос Саймона из наручного коммуникатора Стрالي.

— Будет сделано, — отвечает она и печатает задание для обслуживающего персонала.

— О чем речь? — спрашиваю я Страль после минутного молчания.

— В третьем секторе оплодотворенные самки вынашивают наших будущих гибридов. Они чаще всего не в восторге от принудительной беременности, что само по себе скверно, им же не нужно волноваться. В редких случаях, они пытаются навредить себе и будущему ребенку, поэтому важно вообще не давать им возможности беспокоиться.

— Разве вы еще не перешли на эксплуатацию искусственного организма?

— У нас только одна синтетическая утроба и ее возможности ограничены. Все еще используем людей.

— Как-то это нехорошо.

— Ну извините. Пятьдесят лет назад искусственного оплодотворения не было, вот это было нехорошо. Мы стараемся как можем.

Я думаю, как глупо из моих уст звучит это «Нехорошо». В чем принципиальное отличие, подсеяешь ты в женщину нежеланного ребенка или загружаешь в голову чужеродные мысли? И там, и там нечто сродни преступлению против личности. Прямое лишение свободы воли.

Вот только в моем случае есть конкретная конечная цель махинаций... Хотя погодите, здесь тоже есть. И в обоих случаях человек не может судить, насколько цель благородна и оправдана. И мы тоже не можем, хотя и обслуживаем эту цель своими руками. Я немного спотыкаюсь о клубок сложного этического вопроса и решаю думать о своих прямых обязанностях.

Страль жестом увлекает меня в комнату персонала. Здесь довольно тесно. В отличие от остальных залов лаборатории, эта комната небольшая и белых стерильных стен практически не видно за стеллажами с лекарствами и бумагами. Это скорее личный кабинет, чем рабочее место. Помимо загруженных бумагами стеллажей и пары рабочих мест, здесь есть две старые больничные койки, которые сдвинули вместе и застелили мягким одеялом. Поперек них спит, свернувшись клубочком, Рэйвор, спрятав нос под крыло.

— Почему здесь? — шепотом спрашиваю Страль.

— Сильно капризничал. Я взяла его с собой, когда пришла сюда поработать. Рядом со мной он уснул.

Страль раскладывает по рабочему столу бумаги и принимается за свои отчеты. Добавляет новые данные о способностях каждого гибрида в их объемные папки. Ставит штампы на каждый лист.

Где-то есть такая папка и на меня. Там все про меня с самого рождения, не только про здоровье, но и про то, как я учился читать мысли, впервые менял чьи-то чувства. В каком возрасте научился оглушать с помощью удара током, как шло развитие интеллекта, какой глаз ведущий, сколько баллов набрал в тесте интеллекта. Я взвешен и измерен от кончика хвоста до последней клеточки мозга.

И на Рэйвора такая папка есть. Как и на любого гибрида.

Каждый гибрид стремится к определенному сходству с некоей генетической формулой. Мы с Мартой — первые, у кого оно не просто есть. Мы еще и способны к размножению, а не стерильны, как Киндра, собранная по той же формуле, но с большим процентом генов подземного моллюска симбиотика.

По этой причине, с нами всегда были более лояльны. Нам больше разрешали. Чаше закрывали глаза на промахи. Даже позволили построить дом на поверхности, для всей семьи... Которой больше нет.

Я аккуратно забираюсь на сдвинутые кровати и сворачиваюсь клубком вокруг Рэйвора. Я ощущаю нейритами тревожный сон, который становится спокойнее, когда мое тепло окутывает его. Рэйвор ворочается, чавкает во сне, но не просыпается. Я смотрю на него, и думаю, что у него мамыны глаза.

5. Прерванное прощание

Пятьдесят лет назад процветающий город вымер за несколько дней. Тихо и практически безболезненно, если не считать горечи утраты тех, чьи близкие ушли раньше.

Это был безобидный город. В нем жили мирные жители. Строили красивые дома из дерева, славились своими ремеслами. Они не воевали, не участвовали в политических распрях. Просто мастерили, отмечали праздники, пахали и сеяли.

До тех пор, пока эпидемия неизвестного вируса, с абсолютной смертностью, не вошла в город.

Ворота закрыли от торговцев. Тех, кто успели войти, оставили погостить до выяснения обстоятельств. Но не успели ничего выяснить, как погибли. Все до одного. И некому было их хоронить — по большей части, наши работники распределили все тела между наименее «ценными» зданиями, сложив их там друг на друга в несколько слоев.

Это было очень давно. Когда город был многократно проверен и признан безопасным, мы начали использовать его для своих нужд. В частности, как кладбище для жителей Техонсора, которые при жизни не были пустым местом и нажили друзей, которые хотят похоронить их с почетом. Для встреч и собраний, для некоторых торжеств. Естественно, не официальных, у нас такое не принято.

Люди сюда не заходят: бытует миф, что зараза осталась в городе.

Теперь улицы пусты, и только трава поднимается между камней единственной в городе мощеной дороги. Деревянные дома с резными наличниками стоят потемневшие от времени, просевшие от сырости и отсутствия ухода, на некоторых крышах растут молодые деревья. Иной раз можно встретить в окне любопытную мордочку кошки, далекой правнучки той, что нежилась в нагретом печью доме какого-нибудь жителя города.

Здесь мы почтим память Марты и сопроводим ее в последний путь. По традициям зверян Одаринна, по которым мы когда-то вошли в эту жизнь как муж и жена, с надеждой, что весь наш земной путь мы пройдем именно в такой команде. С намерением привести в этот мир троих или четверых детей.

Для прощальной церемонии мы выбрали городскую площадь, некогда используемую для торговых рядов. Ее расчистили, вероятно, еще в начале эпидемии, сейчас это просторный луг в центре старого города. Ветер колышет желтые цветы, несет по сиреневому небу облака. Умиротворенная красочная картинка безмятежности природы и легкой красоты, создает болезненный контраст с тяжелыми погребальными размышлениями.

Тигры из Одаринна — зверяне — верили в простой, суровый, древний ритуал: если тело достойного существа сжигают, его дух поднимается куда нужно, не заблудившись. Огонь освещает ему путь, сжигает все преграды и тех, кто хочет ему помешать. Согревает, если путь будет долгим: как при жизни дух носил на себе тело, так после смерти он будет нести огонь, в котором оно сгорело. До тех пор, пока этот огонь ему нужен.

Мы вырыли могилу, покрыли ее дно морской солью, чтобы никакие злоумышленники, бесы или чернокнижники не нашли следов Марты после того, как она окончательно уйдет из этого мира. Мы соорудили каркас из сырого дерева вокруг тела Марты, чтобы, догорев, оно само опустило ее в землю, когда придет его время. Мы обернули ее останки в черно-белый полосатый погребальный саван, имитирующий шкуру белого тигра. Вокруг сложены сухие ветки. На некотором удалении от тела начинается желтый защитный круг из лепестков акации и пепла защитных трав, который помешает злым духам подойти и помешать переходу Марты в загробный мир.

Мы стоим вокруг места сожжения. Рэйвор крепко держится за мою ногу, Страль держит руку на его плече, рассеянно глядя вперед себя опухшими глазами. Саймон — немного в сто-

роне. Он стоит очень прямой, словно боится согнуться под тяжестью вины. Киндра и Эстебан по бокам от изголовья. Они на правах единственных доступных нам родственников примут участие в ритуале, хотя наше родство весьма притянuto за уши.

Спецназ и марионетки стоят вдалеке, как статуи. Боевая машина заведена, но без огней, чтобы не тревожить природный покой этого места, она стоит в зоне видимости, дабы не нарушать инструкции безопасности пребывания на поверхности, написанные буквально вчера в связи с опасениями за прочих дипломатов.

Пять транспортных вездеходов — ровной линией, будто могильные камни, стоят рядом. Все — готовые выехать по одной из четырех расчищенных улиц, в случае необходимости. Водители наблюдают за нами со своих мест, держа руки на руле.

У зверян есть очень тихая традиция, почти без действий: «Последнее дыхание».

Когда умирает родной, близкие молча дышат полной грудью. Делая вдох до предела и выдыхая полностью. Чтобы прочувствовать крайности наполнения и опустошения жизнью. Это нужно делать до тех пор, пока не придет первый ветер. Он означает, что дух умершего делает свой последний вдох и выход вместе с нами.

Я жестом говорю Киндре и Эстебану начинать.

Они берут с каркаса, на котором покоится тело Марты, две заготовленные чаши, стоявшие в области правого и левого плеча. Выходят с ними из защитного круга, не нарушая его целостность. С этого момента никто не будет входить в круг. Как минимум, до следующего полнолуния.

В свое время, меня до глубины души впечатлил этот ритуал. Он непредсказуем. Ветер может не появляться часами, за это время полное дыхание вводит всех гостей в состояние глубокого транса, заставляя испытывать разные переживания и вспоминать множество вещей из жизни ушедшего. Этот процесс сам по себе и исцеляющий, и очищающий. Иногда огонь, в котором сгорает тело, горит неравномерно, деревянный каркас накрывается и останки не попадают в подготовленную яму полностью, но войти и поправить его нельзя.

Так произошло на первой погребальной церемонии зверян, где я был. Я беспокоился, что падальщики унесут кости, но ни одна живая тварь не пересекала защитный круг до следующего полнолуния. Даже когда прошел дождь и смыл видимые его очертания.

Киндра и Эстебан зажигают фитили в чашах с маслом и садятся перед ними на землю. Когда огонь одного фитиля отклонится или погаснет, мы поймем, что Марта делает с нами вдох. Когда отклонится или погаснет второй фитиль, мы поймем, что она сделала последний выход. Если они отклонятся одновременно, это называют «Томление духа» — как будто уставший от земных дел ушедший хочет поскорее закончить с этим миром и пойти дальше.

Я опускаюсь на одно колено и наклоняюсь так, чтобы живот касался бедра второй ноги. Опускаю голову и начинаю ритуал прощального дыхания. Остальные повторяют за мной, кроме Киндры и Эстебана — они должны смотреть на огонь очень внимательно.

Рэйвор присел рядом, не отпуская мою ногу. Он смотрит по сторонам, пытается повторять за нами, но потом снова поднимает голову и смотрит. Страль держит руку на его спине. Если он будет волноваться, или если ветер заставит долго ждать, она уведет его в вездеход.

Через несколько минут продолжительных дыхательных циклов, у меня чуть-чуть начинает кружиться голова. Страль проверяет, готов ли Рэйвор идти, но он пока не стремится покинуть меня. По его бегающему взгляду я догадываюсь, что он рассчитывает увидеть маму. Не знаю, как долго он будет представлять их грядущую встречу. Он понимает, что она умерла, но не так, как это понимают взрослые.

— Дух Марты Арлахазар Фелины вдыхает жизнь вместе с нами, — говорит Киндра, увидев отклонение языка пламени в своей чаше до того, как мы ощутили легкий ветерок.

— Дух Марты Арлахазар Фелины выдыхает жизнь вместе с нами, — говорит Эстебан через несколько секунд.

Я поднимаю голову и вою: протяжно, но сдержанно, чтобы не напугать сына. Это знак, что ритуал завершён, и дух может идти. Рэйвор вторит мне, потому что ему кажется, что так правильно. Страль заливается давно сдерживаемыми слезами.

Киндра и Эстебан бросают чаши в погребальный костер. Пламя вспыхивает по кругу, охватывая черно-белый саван и каркас из сырой древесины. Я закрываю глаза, как и все присутствующие взрослые. Путешествие в мир мертвых не любит свидетелей.

— Папа... мама замёрзла?

Я сжал зубы так, что заболела челюсть. Коснулся лба сына носом, обняв его одной рукой.

— Она засыпает, — сказал я, — И мы поможем ей проснуться там, куда она давно хотела попасть. Огонь не даст ей заблудиться.

Страль берет Рэйвора на руки, потому что тот впервые за всё время плачет открыто, не сдерживаясь. Она открывает глаза после того, как отворачивается от огня. Я слышу, как они уходят в один из вездеходов. Саймон шмыгает носом недалеко от меня.

У зверян — отец не зажигает погребальный огонь. Он бережет огонь в своих детях, чтобы никогда не дать ему погаснуть. Я непременно оживлю эту традицию для Рэйвора.

Я чувствую жар пламени. Я чую запах горящего дерева. Я знаю, что саван уже сгорел, и раздробленные кости Марты постепенно осыпаются в вырытую под ней могилу.

Глухой треск дал мне понять, что каркас из сырого дерева прогорел и рухнул в могилу.

— Пусть ветер хранит твоё имя, — говорю я достаточно громко, чтобы все услышали, открываю глаза и встаю.

Я делаю поклон огню. Все повторяют за мной. На этом мы отворачиваемся и уходим, не оглядываясь, в сторону вездеходов. По плану, наша процессия должна возвращаться в Техонсор.

Мне физически не хватает контакта с Мартой. Мы обменивались информацией почти каждый день, исключая командировки. Если отбросить мои простые и понятные переживания потери, меня действительно невыносимо мучает нехватка привычной дозы ее сигналов, биоритма, информации особой, ее собственной структуры.

Я чувствую это, как растрескавшуюся почву в своей душе, требующую срочно, много воды. Но воды нет и не будет. Извольте усохнуть.

Как будто подслушав мои мысли, по небу прокатился раскат грома. Я поднимаю голову. Тучи заволокли все небо. Странно, прогноз погоды этого не предвещал.

Я занимаю место в вездеходе, где сидит Рэйвор, Саймон и Страль. Они разложили средние сиденья, посадили на них ребенка и дали ему собирать трехмерный пазл. Он так увлечен, что даже никак не реагирует на мое появление.

Процессия вездеходов плавно двинулась в сторону выхода из города. Вспышка молнии на миг ослепила нас, и тут же капли дождя застучали по крыше машины.

Рэйвор перебирает детали, виляя хвостом. Спасибо, что он так любознателен и открыт. Другой ребенок наверняка разревелся бы давно и разбросал тут все, и капризничал без остановки на сон и пищу. А он ищет нужную деталь, не сдаётся. Конечно, это наша с Мартой заслуга. Мы очень хотели, чтобы он знал: все получится, нужно только постараться. Он нашел кусочек головоломки и прикрепил его на нужное место. Ну вот, у нас собран лошадиный зад. Рэйвор хлопает в ладоши и показывает мне свой успех.

Стук капель учащается. В момент дождь превращается в ливень. Рэйвор приладил неподходящую деталь к животу будущего коня и делает вид, что не понимает этого. Я качаю головой. Он пробует снова. Вот, так хорошо. Молодец.

Начал завывать ветер. Я заглянул в коммуникатор на запястье — есть ли штормовое предупреждение? Нет. Ну и славно. Однако, я сообщил о капризах погоды — просто так. Если мы в грязи утонем и опоздаем, будет нам прощение. Или эвакуатор.

У меня гудит в ушах. Я потираю их — гудение присутствует все равно. Через стену воды вижу, что мы приближаемся к окраине города. Я понимаю, что это не в моих ушах, это с улицы. Не вездеход, не ветер. Что это?

Я озираюсь, растопырив нейриты. Я ощущаю... Что-то не то. Отправляю на базу тревожный сигнал. Страль и Саймон настороженно смотрят на меня.

Моя тревога передалась и Рэйвору. Он в смятении неподвижно смотрит на меня, напряженный и тихий, как охотничий пес в стойке. Только его стойка сейчас — готовность к бегству, бросаться в бой ему еще рано.

Я надеваю электро-импульсные кастеты и жестом велю всем пригнуться. Хлопаю водителя по плечу и показываю на кнопку сигнала тревоги на его панели управления, который он тут же передает всем вездеходам нашей процессии. Гул стал явно слышен сквозь посторонние звуки.

Вездеходы остановились. Я вопросительно смотрю на водителя. Мне кажется, это худшее, что можно было сейчас сделать. Я вижу за окном спецназовцев в боевых стойках, с оружием на изготовку. Марионетки рассредоточились кольцом вокруг вездеходов.

Слева ударила лазурная вспышка — тонкая, как игла. Пространство перед нами дрогнуло, разверзлось и выпустило из себя разъяренного бородатого громилу, выпрыгнувшего из разлома в воздухе с топором наперевес прямо в группу спецназовцев.

Лазурные модуляторы. С такой вспышкой появляются иллюзорные копии.

Вслед за бородатым, точно из прорванной плотины, на нас хлынула толпа высоких крепко сложенных женщин в одежде для сражений, вооруженных булавами. Спецназовцы опустили пушки и надели электро-импульсные кастеты, понимая, что пальба по иллюзиям есть риск продырявить вездеходы, и не более того. Вступив в рукопашную с копиями, они рассеивали их выбросами электричества, топтались на месте, дезориентированные и не находящие реального противника.

— Идиоты, в этой позиции они бесполезны, — воскликнул я, — Давай по газам, мы должны уходить.

— Приказ быть на месте, — покачал головой водитель.

Только я поднял нейриты, чтобы включить его упрямые мозги, как цепкая железная лапа устройства, похожего на хищное насекомое, вцепилась в вездеход. Истребитель-богомол, автоматический ловец — взвизгнул на ультразвуке, его крылья раскрылись, а клешни принялись кромсать нашу крышу.

— Гони, — повторяю я водителю, и, наконец, он дает по газам, пока я направляю электро-импульсный кастет в расширяющуюся дыру в металле над нами и отбрасываю агрессивную железяку, склонившуюся над ней.

Я оглядываюсь и вижу, что спецназ уже уложен. Марионетки разорваны на куски, несколько вездеходов покорежены и выведены из строя. Страль и Саймон распластались на полу, прикрывая Рэйвора своими телами.

Удар. Меня швыряет по салону, но я быстро впиваюсь когтями в кресла и помогаю остальным удержаться. В лобовом стекле зияет дыра, через которую я вижу, как истребитель-богомол, одной своей хищной лапой удерживая вездеход на месте, другой рассекает пополам нашего водителя, итак не вполне целого после извлечения со своего места через лобовое стекло.

Лазурная вспышка — воздух задрожал и разверзся прямо перед нами, выпуская поток копий широкоплечего и прекрасно сложенного рыцаря с роскошной шевелюрой каштановых волос. С мечом наперевес, он бросился во все стороны сразу, ни разу не повторившись в движении.

— Оставайтесь в машине. Прячьтесь под сиденья, Прижмитесь как можно ниже, — приказываю я и выхожу навстречу реальной угрозе — истребителю ловцу.

Лапки богомола бросились мне навстречу, подобно ножницам, но я оказался быстрее. Удар электро-импульсного кастета на время создает замыкание, парализуя движение машины. Дождь помогает мне в неравной схватке, улучшая проводимость электричества.

Из пролома в воздухе начинают выпрыгивать бородатые копии, с криком на суровом лице и размахивая топорами. Я снова ухожу от замаха острой клешни, оглушаю робота кастетом и, используя нейриты, даю точечный разряд электричества точно туда, где стрекозиное крыло крепится к спине, повреждая важные контакты. Лишенный полета, истребитель уже не истребитель, и вполне побеждаемая наземная единица. Мне лишь только осталось добраться до вентиляционной решетки под головой, и я останавливаю это локальное восстание машин.

Но тут я получаю удар, отбросивший меня на капот вездехода. Сперва я не понимаю, что произошло, но потом осознаю, что имею дело не с копией, но с оригиналом громадной женщины, вооруженной булавой, которой она только что снесла меня, как тряпичную куклу. Удар вышиб весь воздух из моих легких, я судорожно вдыхаю. Капли дождя заливают мне глаза, портят обзор.

Я сворачиваю нейриты кольцами и с силой разжимаю, хлестнув ими по лицу нависшей надо мной женщины и создав максимально возможный электрический разряд. Она отпрянула, разразившись нелестной бранью, что позволило мне нанести удар кастетом. Импульс разряда ручного оружия отбросил ее на пару метров.

Тут настоящий рыцарь вышел из иллюзорной копии, как актёр из занавеса. Как раз в тот момент, когда роботизированное хищное насекомое в один прыжок оказалось на крыше вездехода, впиваясь в его обшивку сразу всеми своими конечностями.

— Справа монстр с ногами паука, — кричит кому-то из своих рыцарь, — Осторожно, он ядовитый.

В прыжке выхватывая свои катаны, я в один взмах крыльев оказываюсь на спине богомола, высекая искры из блестящего корпуса. Я с точностью опытного механика нахожу технические отверстия и слабые места корпуса, разделяю контакты, за секунды лишая соперника пары функциональных конечностей и отваживая его от вездехода. Я вижу, как Саймон и Страль распластались на полу, оттесняя Рэйвора как можно дальше. Я чувю их страх.

— Где-то должна быть самка с телом льва и крыльями орла, как там ее, Марта, — слышу я голос крупной женщины, но не успеваю ничего подумать.

На меня стремительно пикирует беркут. Я краем глаза отмечаю на его грудной клетке некий прибор, и едва успеваю сгруппироваться, как на всей скорости пернатого воина, из его пристежного агрегата вырывается несколько тонких лезвий, со снайперской точностью направленные мне в глаза. Лишь удача позволила мне отделаться порезами на лице, сохранив зрение.

С глухим ударом оторванный где-то руль бьет по голове рыцаря — он в недоумении смотрит на свою рослую соратницу, которая его атаковала, но быстро понимает, что это не она. Пока они делали иллюзию на реальное, Киндра приняла облик женщины-врага и внесла смуту.

Глухой гул замолк и тут же чуть поодаль от нас один из выведенных из строя вездеходов буквально вывернуло наизнанку. Груда покореженного металла комом упала на землю. Я увидел высокого тщедушного человека с длинными русыми волосами, направляющего свой посох в ту сторону. Гул снова начал нарастать: его посох был источником.

Рыцарь вернул самообладание и серией стремительных ударов атаковал Киндру в чужом облике. Он был быстр, почти нереально: стальные пластины на его предплечьях светились голубым цветом — щитовые браслеты активизировались, не давая Киндре и шанса ударить в ответ. Любой удар отскочил бы от него, как горох от стены.

Робот-богомол опустил на меня свои острые лапы, одной из них насквозь продырявив капот вездехода. Оказавшись под его брюхом, я вонзил катану в стык между его ногами. Кислота потекла из его аккумулятора, а я перекатился в сторону, уворачиваясь от новой атаки.

В воздух взмыл беркут с навесным модулем и птица выпустила новый заряд: тонкие металлические лезвия на сей раз полетели в Киндру, но застыли в воздухе. В следующий миг над теснившим многоликую девушку рыцарем проявился Эстебан, прикрывший напарницу своим телом. Быстрым движением смахнув с себя лезвия, он направил свое жало на мужчину в доспехах.

Одной из ног робот ловец отшвырнул меня в сторону, прорвался в вездеход, вырвав дверь. Страль вцепилась в Рэйвора изо всех сил, заползая в самую узкую щель салона вездехода, Саймон закрыл их своим телом, но робота-ловца это не впечатлило. Он отшвырнул его как букашку и потянулся внутрь, но его длины лап не хватало, чтобы достать добычу. Он сорвал покореженную крышу вездехода и попробовал взять их снова, но тут Саймон налетел на него, блокируя тычки хищных лап вырванной дверью, словно щитом.

Гул на секунды стих, рядом с нами земля словно взорвалась, обнажая все скрытые в ней камни и корни. Гул снова начал нарастать.

Я поднялся, едва ощущая свои ноги, не видя руки и плохо осознавая, в какую сторону от вездехода меня отбросило, где сейчас Киндра и куда мне нужно нападать. Прозрачный, но видимый из-за дождя, как мокрый дожdevик, Эстебан теснил рыцаря прямо передо мной. Киндру поодаль атаковал бородатый и его крупная спутница, как вдруг она испарилась, вызвав у них полное недоумение.

Я поднялся, помогая себе крыльями, и в отчаянном рывке ударил рыцаря электро-импульсным кастетом. Он был силен, невероятно силен для человека, и его техника обращения с оружием явно превосходило мою. Его щитовые браслеты заклинило из-за разряда, и тут Эстебан ловким движением хвоста впился в него ядовитым жалом.

— Рэйвор, — кричит Киндра, обратившаяся черт знает чем, покрытым травой и сливающимся с ландшафтом. Киндра буквально «слушала» землю нейритами, подстраивая текстуру кожи в реальном времени.

Я краем глаза вижу, что металлические клешни вырвали Рэйвора у Страли прямо из рук. Бросаюсь к нему. Робот-ловец осуществляет гравитационный захват и складывает воздух вокруг ребенка, Рэйвор исчезает в мерцающем коконе.

Сломанные мною крылья истребителя-богомолы не могут распахнуться, двигаться он может лишь на двух функционирующих ногах, подключая руки. Он не уйдет. Я бегу к нему галопом, расправляя нейриты, уже прицеливаясь, чтобы в прыжке зажарить его основополагающие микросхемы и сделать кучей бесполезного металлолома.

Бородатый и его крупная спутница как по команде бросаются прочь. Рыцарь ковыляет туда же, держась за место укуса жала Эстебана. Свободная от схватки частица моего разума осознает, что гул затих. Время будто остановилось, я вижу краем глаза тщедушного блондина, направляющего на меня свой посох. От него в мою сторону пригибается трава, капли дождя замирают, летят вверх и отскакивают, непредсказуемо меняя направление. Оказавшийся на пути камень разрывается на мелкие кусочки.

Время восстановило свой ход. Блондин с посохом последовал за своими коллегами. Я прижат к земле и словно вешу целую тонну. Мне не пошевелиться. Я не могу дышать. Я чувствую вкус крови во рту и вижу, как она застилает мне глаза.

Перед моими глазами боевой бронированный зверь-машина, старый потрепанный вездеход, впрочем, неплохо сохранившийся для своих лет, шурша колесами по траве, набирает скорость. Неуклюже поддерживая шаткий баланс, многострадальный робот-ловец прижимается к его крыше, постепенно полностью выходя из строя. Последние капли кислоты вытекают из его аккумулятора.

Темнота накрывает меня. Безмолвная, с привкусом металла и наполненная знакомыми голосами, но я не могу разобрать, что они говорят.

6. Тот, кто не должен дать огню погаснуть

Это было крайне тяжелое пробуждение. Словно все тело и сознание завязло в густой грязи, которая уже сочла меня своей частью и не хочет отпускать. Я открыл глаза и увидел Страль. Она держала мою голову и что-то искала на моем затылке. Мне понадобилось время, чтобы сфокусироваться.

— Ты можешь встать, позвонки не сломаны, — сказала она.

Я пошевелился, пытаюсь обнаружить свои конечности. Странное ощущение, слово у меня не хватает части правой ноги и руки, охватило меня. Я смотрю на них: все на месте. Пробую пошевелить ими, но они не работают. Один мой нейрит будто бы прокушен. Его по всей длине изучает Страль. Я смотрю на нее. Черные гематомы покрывают половину ее лица.

— Ты как?

— Нормально. Они похитили Рэйвора и перебили всю охрану.

Я осторожно сажусь в той вязкой луже, в которой был все это время. С чавканьем, нехотя, она меня отпускает. Дождь почти прекратился. Ко мне подошёл Эстебан — медленно, неуклюже, совсем не так, как он обычно двигается. Его голова перевязана, а там, где находится его левое ухо, приложено несколько слоев хирургических салфеток, уже впитавших больше крови, чем они могли, и поэтому сочащихся черной жижей, которая течет по его венам.

— Если бы я знал, что эта палка так серьезно хреначит, я бы все равно тебя прикрыл, — говорит он, — Если ты сейчас же не поднимешься, я потеряю к тебе уважение.

Я медленно пробую опереться на ногу. Она не сломана, ничего не сломано, однако, мое тело не верит, что это — его конечность, и работать с ней не собирается. Голова готова разорваться от боли и решительно отказывается делать то, что ей присуще. Я медленно кручу носом, озираясь. Думаю, что что-то не так в этой картине. А, да, кого-то не хватает.

— Где Рэвор? — вздохнув, медленно спрашиваю я.

— Смотри на меня, — говорит Страль и светит мне в глаза фонариком, — Тебе немедленно нужно в город. Мы проверим основание черепа. И мозг.

Но Эстебан тянет меня в другую сторону. Я еще не могу до конца понять, что происходит. Часть мозга, связанная с поврежденным нейритом, не работает или работает очень плохо. Вероятно, из-за этого правая сторона моего тела немного парализована. Я озираюсь.

Эта часть Мертвого Города выглядит как поле битвы. Впрочем, ею она и была некоторое время назад. Дождь закончился, в сырой земле тут и там зияют ямы, словно оставленные многочисленными ударами бомб, в них уже натекла вода. Три наших вездехода валяются покореженные, дырявые, разорванные на части и, очевидно, не подлежащие восстановлению. Вдалеке я вижу одно из дул боевой машины, которая даже не успела показать себя в деле. Надо сказать, спецназ продемонстрировал полное фиаско свежей программы защищенного выхода на поверхность.

Эстебан приводит меня к вездеходу, который стоит на своих гусеницах, как ему и положено. На нем есть вмятины, но других видимых дефектов я не приметил. Киндра поворачивает меня лицом к открытому капоту, в нем сыро, как будто его оставили открытым под дождем.

— Аккумуляторы отсырели. Остальное мы уже починили.

— Это не проблема, — говорю я, — У них гидрогелевая оболочка, эту серию сделали для подводных лодок. А не заводится он из-за этого, — Я показываю на маленькую дырку в зажигающем элементе. Перевожу взгляд на крышку капота. Ну да, из нее торчит острый фрагмент обшивки какой-то техники, наверное, другого вездехода, разорванного на куски, — Посмотрите в останках других вездеходов, наверняка найдете целый зажигающий элемент.

Я стягиваю крышку на место, вытаскиваю острый фрагмент, как занозу. Кажется, это не от обшивки, больше похоже на кусочек каски спецназа.

— Вам нужно вернуться в город, — я вздрагиваю от голоса Саймона, потому что не заметил, как он подошел, — Вы серьезно ранены и бесполезны для погони. У Эстебана кровь хлещет из внутреннего уха. Он, конечно, быстро регенерирует, но что, если умирает он сейчас быстрее, чем восстанавливается? Я откачал жидкость из его головы, но это первая помощь, а не лечение.

Я непонимающе смотрю на него. Погоня? Какая погоня?

— Ты слышишь меня? — после некоторой паузы спросил Саймон.

Страль подошла к Саймону и положила руку ему на плечо. Вполголоса что-то ему объясняет, пока я кручу в руках фрагмент чего-то, что может быть затылочной частью шлема спецназовца, если бы он прогнулся внутрь, и этот кусочек отломили бы по диагонали.

Эстебан протягивает мне зажигательный элемент, я сдвигаю крышку капота и ставлю его в нужное место. Двигатель, к моему удивлению, сразу загорелся мягким неоновым светом, будто кто-то его завел. Эстебан подталкивает меня в сторону и опускает крышку капота. Я вижу Киндру за рулем: ну ясно, двигатели сами не загорятся, их надо заводить.

— Вы никуда не едите. Посмотри на него. У него же мозг поврежден. Он даже не понимает, что происходит, — говорит Страль Эстебану.

— Прекрасно, если мозг поврежден, значит, он есть.

— Эстебан, твоя регенерация есть только у тебя. Арлахазар не умеет восстанавливаться как ты. И ты, кстати, уверен, что восстановишься? У тебя кровь хлещет из уха, посмотри, все перевязки промокли, с тебя течет, — продолжает Саймон.

— Нет это вы поймите. Каждая минута уменьшает шанс, что мы догоним похитителей. Пока сюда приедут, пройдет час-полтора. Какое время будет отделять их от помощи в этот момент? Два часа или больше? Они владеют нашими технологиями и не будут ждать. Мы отправимся. Мы не будем с ними бороться. Мы ухватим их за хвост и не выпустим из поля видения, пока помощь не придет. И у помощи будет больше шансов, если им не придется делать крюк к несколько часов.

— Вы умрете в этом вездеходе. Не все, Киндра, скорее всего, повезет ваши туши домой, как ей это понравится? — качает головой Саймон.

— Это не так уж плохо, как ты думаешь? — Эстебан толкает меня локтем под ребро, — Подохнуть, пытаюсь спасти сына. Лучше, чем жить еще лет сто безвылазно в Техонсоре, потому что после этого покушения нас на поверхность уже не выпустят больше никогда.

Я, наконец, понял. Это озарение было первой включившейся в моем темном интеллекте лампочкой, который все это время, похоже, оставался в вязкой грязи, но только сейчас вернулся в мою голову. Я почти видел, как активизируется слой за слоем весь мой интеллект, точно отсыревший порох, зажженный от одной первой мысли.

— Рэйвор у них.

— Мы догоним, — доверительным тоном сказал Эстебан, — А вы будьте здесь и рапортуйте.

— Нет, я поеду с вами, — сказал, как отрезал Саймон, — Кто-то должен откачивать одного из вас, пока Киндра ведет машину, — он забрался на заднее сидение вездехода и продолжил, — Страль, ничего не трогай. Маловероятно, но может быть заминировано. Сиди и жди подкрепление.

— Это не по инструкции, — возражает Страль, имея в виду, что Саймона за его поддержку кремируют еще до того, как отправят в печь нас, за самовольность. Естественно, с вечно слушающим наши разговоры коммуникатором, сказать свою мысль как есть она не может.

— В моей лаборатории я генный инженер, но я сейчас не в ней. Я здесь и сейчас врач, и в мои прямые обязанности входит оказание первой помощи этим придуркам, в противном случае я продемонстрирую преступное бездействие. Было бы лучше оказывать помощь на месте, но задержать мы их не можем, поэтому, Страль, затаись где-нибудь и жди, а я, — Саймон

показывает чемодан для первой помощи, который есть в каждом вездеходе, — Я вынужден выполнять свою работу в тех условиях, которые тут сложились.

Эстебан нетерпеливо захлопнул дверь Саймона и подтолкнул меня к сидению рядом с Киндрой. Сам забрался назад.

— Кто-то видел, как Рэйвора забрали? Я помню, как ловец вытащил его из машины. Но я повредил его аккумулятор, он не мог транспортировать его на существенное расстояние.

Кто-то подвинул мое сидение назад, я вижу, как Саймон закатывает рукав на руке, которую я не чувствую, и ищет вену. За окном Страль стремительно удаляется.

— Я видела, как ловец сел на крышу боевого вездехода старого поколения. Даже если он отрубился сразу в этот момент, ему и не надо больше ничего делать, его везет машина, — говорит Киндра. Я замечаю фиксирующую повязку на ее руке. В остальном, она выглядит целой.

Эстебан что-то тыкает на своем наручном коммуникаторе. Тот жужжит в ответ, значит, он на связи с диспетчером в режиме реального времени.

Киндра без труда находит взглядом колею от колес наших обидчиков на влажной земле и едет по ней. Небо из сине-серого постепенно превращается в тошнотворно-сине-серое, чтобы потом стать светло-сине-серым с депрессивным оттенком тревоги о похищенном ребенке, которому едва исполнилось три с половиной года.

— Киндра, опусти рычаг экстренной помощи на вездеходе, — говорит Эстебан.

— Я думала, он про помощь в аварии, вроде застревания в зыбучих песках, и дает только информацию о нашем местоположении на базу в Техонсоре. Мы даже не узнаем, получили ли они сигнал, — говорит Киндра, щелкнув чем-то под панелью управления возле своего колена.

— Мы не узнаем, получили ли они, зато они будут видеть нас в каждую секунду. Мы же хотим, чтобы мы и подкрепление встретились в одном месте как можно быстрее. Теперь у них будет самое точное место, причем, в динамике, — говорит Эстебан, — Я раньше об этом не думал, но это удобно. Если тебя в аварии уронило с моста, ты ударился головой и прежде чем отключился успел опустить рычаг. Лежи себе в бессознательстве, плыви по течению, тебя все равно найдут, и говорить ничего не надо.

— Твое утонувшее тело, — мрачно уточняет Саймон.

— Фу, что это? — слышу я голос Эстебана, — Арл, у тебя из дырки в нейрите сопلي текут.

— Это не сопли, но это должно быть внутри, — Саймон что-то колдует над моим поврежденным отростком.

Следы похитителей ведут на север. Мы мчимся быстро и уверенно.

— Рыцарь, который тебя чуть не зарубил, Пантан. Тот самый, которого мы отыскать хотели.

— Значит, опережаем график, — замечает Эстебан.

— И беркут с ним. Устройство, которое на него надели, полностью вписывается в характер повреждений Марты. Вероятно, там есть самонаводящийся прицел или что-то такое, — говорю я.

— Голова получше, я смотрю, — слышу я Саймона.

— Думает, да. Но теперь она больше болит, — отвечаю я и проверяю правую сторону тела, — Чувствительность возвращается, но к боевым подвигам я не готов.

— Боевых подвигов не будет, мы просто должны упасть им на хвост. Под хвост им надает кто-то другой, — говорит Эстебан.

— Откуда у них эти технологии? Щитовые браслеты даже мне никогда не давали. Это не то оружие, которое легко можно встретить, и тем более получить.

— Какая ирония, я не могу получить выходной ни за какие свершения, а какие-то похитители детей получили наши секретные технологии, даже не рапортуя об этом. Я же прав? Они не доложили, что взяли их? Ну точно не доложили.

Саймон недовольно покачивает головой, меняя мокрую перевязку на ухе Эстебана. Я думаю, он зря переживает. Чувство юмора работает только у здорового организма. Или выздоравливающего.

— Кстати, о рыцаре. Я его цепанул нервно-паралитическим ядом.

— Как долго он работает? — спрашиваю.

— Не знаю. Это старая выработка, застоялась.

— Что было потом?

— Потом я хотел помочь Киндре, но увидел, что в тебя целится из своей палки длинно-волосая блондинка. Я видел, как палка стреляет, поэтому встал между вами. Ты мне должен.

— Да. Бесконечно должен. Ты разглядел его жезл?

— Я видела мельком. Его одежда и все эти побрякушки — символика заклинателей погоды. Но все знают, что они шарлатаны, — сказала Киндра.

— Этот, кажется, нет, — возразил Эстебан, — По-моему, он метнул в меня кусочек смерча, он попал мне в ухо и скукожил часть мозга.

— Скукожил не лишь только часть черепа, внутреннее ухо и вестибулярный аппарат. Но и большую часть тела. У тебя некоторые органы разорваны, внутреннее кровотечение, переломано много костей. Кто-то другой на твоём месте давно бы умер, — уточняет Саймон.

— Все нормально, моя регенерация получше вашей. Я буду как огурчик к тому моменту, как мы их нагоним.

— По-моему, его посох — замаскированная гравитационная пушка, — весомо сказал я, — В тебя попала область повышенной тяжести. Если бы ты весил в сто раз больше, ты бы с высоты своего роста и не так помялся.

— Тогда ты тоже был бы в лепешку.

— А. Ну да. Значит, это что-то другое.

Мы думаем. Какое еще оружие может иметь внешнее сходство?

Наш путь пошел по менее влажной земле, следы нападающих стали слабее, но это ничего. Пока все видно, и не так уж сильно мы отстаем. Небо достигло светло-сине-серого цвета депрессии.

— Знаете, для бурения тоннелей используют штуковины, случайным образом искажающие пространство. Захватываешь область с огромным валуном — искажаешь — и вот валун уже вывернут наизнанку, перекручен, и, в силу своей структуры, распался на куски, — задумчиво говорит Киндра.

— Эти штуки довольно громоздкие.

— Да, но несколько лет назад сделали портативный вариант. Я не видела его вживую, но говорили, что он немного выше человеческого роста и по форме подходит под жезл. Его мощность была куда меньше, но он тоже давал случайную деформацию пространства. Мягкие материалы вполне мог взять. Я ничего не слышала о его использовании в качестве оружия. Идею больше не развивали.

— Я выгляжу вывернутым наизнанку? — интересуется Эстебан.

— В общем и целом, ты выглядишь случайным образом деформированным. Как лист бумаги, который смяли и пережевали.

Эстебан задумчиво трогает свою физиономию.

Снаружи сильно похолодало. Тонкий, неубедительный слой снега украшает наш путь. Здесь к материку близко подходит океан, ветер приносит с него запах айсбергов. Мне так кажется. Я опасаюсь, что совершаю чудовищную ошибку. Может, мы их не нагоним, может, нагоним слишком поздно. По сути, вся надежда только на помощь, которая уже в пути.

— Кто-то из них бросил фразу «здесь еще должна быть самка с телом льва и крыльями орла» и назвал имя Марты, — вдруг вспомнил я, — То есть, они не знают о ее смерти. Но знают, как ее зовут.

Киндра посмотрела на меня внимательно и снова повернулась к дороге.

— И про ядовитость Эстебана что-то говорили, — помолчав, добавила она, — Похоже, они нас знают.

Начал идти редкий снежок. Чем дальше мы продвигаемся на север, тем хуже видно следы — их заметает. Мы проезжаем между лесом и Дотхом. Едва различимые следы сворачивают прочь от города.

Нейриты позволяют мне не только читать сиюминутные мысли человека. Я могу просмотреть весь объем его памяти и жизненного опыта, включая чувства, ощущаемые запахи, прикосновения. Все, что воспринимал человек, даже если он сам того не запомнил. Если его разум коснулся информации, то она есть в нем, и, стало быть, я могу ее взять.

Однако, мои собственные пропускные способности являются некоторым пределом для безграничного обогащения информацией. Если знание, которое я считал, далеко от моего собственного, моему мозгу просто не за что будет ухватиться, чтобы его осмыслить. Ком неусвоенной информации не найдет себе места и пройдет мимо. Необходима какая-то база, чтобы суметь в нее встроить знание, которое будет ее продолжением.

Конечно, было заманчиво скопировать себе все знания Саймона, Николо и, скажем, Дора Фаго. Я стал бы первоклассным медиком, технарем и военным стратегом. Но не выйдет. Мой мозг не безграничен. У меня нет медицинского образования, я не учился военному ремеслу. А с техникой общаться учился — мне было интересно. Мне не понадобилось несколько лет чтобы разобраться во всех деталях — хватило нескольких месяцев с неограниченным доступом к мозгам механиков. Поэтому я весьма ловко могу чинить поломки и разбираюсь в моделях вездеходов.

Например, тот, который мы преследуем, — довольно старая модель, ее технические характеристики не способны развить ту же скорость, что и мы. Поэтому мы неминуемо их догоним в ближайшее время.

Если только что-то нам не помешает, что очень вероятно, ведь похитители свернули в лес спиральных деревьев.

— Они что, бессмертные? Здешние хищники реагируют на движение, — говорит Эстебан, когда понимает, куда мы свернули с дороги.

— Но они не разовьют нашу скорость. Если мы не будем ее сбавлять, то хищники смогут только помахать нам вслед, — замечаю я.

— Ты как себя чувствуешь? — интересуется Киндра.

— В целом, неплохо. Руки и ноги чувствую, голова болит.

— Займи мое место, — Киндра, не дожидаясь моего ответа, перелезает на заднее сидение, не оставляя мне ничего другого, кроме как срочно перехватить руль и сменить ее.

Она права, водит она не очень хорошо, но прямо сейчас, в текущем состоянии, я не уверен, что я могу лучше.

Первые закрученные в спираль деревья появились в зоне видимости. На каждом из них может быть по паре кориолитов, совершенно не отличимых от самого дерева. Я вжал педаль до пола.

Мы вошли в сине-серый лес — стволы, закрученные по спирали, как растянутые пружины, уходили ввысь. След от машины похитителей Рэйвора легко угадывался в земле.

— Смотри, вон ползет, — показала Киндра.

Мы уже поравнялись с ним, когда я его увидел. Кориолит. Его тело вытянуто, как у саламандры или сухопутного угря, но покрыто хитином, полностью повторяющим текстуру, рисунок и цвет древесной коры. Если бы он был на дереве, мы бы его не увидели, и он как раз

собирался на него вернуться. А то, что мы встретили его на земле, означает, что незадолго до нас кто-то создал рядом с ним движение, ради которого он и спустился.

Где-то впереди, между стволами, мелькнула лазурная вспышка. А вот и то самое движение.

— Эти придурки думают отвлечь слепых кориолитов иллюзорными копиями? Они совсем тупые? У них же глаз нет, — говорит Эстебан.

Я смотрю в зеркало заднего вида. Деревья двигаются, сжимая и разжимая свои закрученные стволы: это кориолиты, прильнувшие к ним, реагируют на наше движение. Вот только скорости им не хватает, пока они реагируют, мы уже уехали.

Однако, впереди нас ждут потревоженные нашими предшественниками особи, на их реакцию на вторжение мы попадем вовремя для них, и совсем несвоевременно для нас.

Перед нами кора деревьев будто ожила. Десятки голов крутились, силясь угадать направление, но природа явно не готовила их к нашим скоростям.

Мы мчим по просеке. Деревья стоят так близко, что зеркала чуть не касаются стволов. Я лавирую между спиралями, а они непрерывно вздымаются и опускаются, словно дыша. Силясь захватить нас, опрокинуть или даже насадить на себя, как на шампур.

— Держитесь, мы перевернемся, — говорю я, видя, что впереди два дерева соединились друг с другом, то ли сцепившись собственными спиралями, то ли кориолиты удерживают их в сцепке, почти на самой земле.

Я резко выкручиваю руль в паре метров перед препятствием, машина заваливается на бок, катится, коснувшись крыши древесных изгибов, и, амортизовавшись об них, завершает поворот с другой стороны, вставая ровно на колеса.

— Ох ты ж башка с трещиной, что ты творишь, — восклицает Эстебан.

Я выравниваю движение. Мы здорово потеряли скорость, на капот и лобовое стекло прыгнули два кориолита. Тот, что на стекле, присосался к нему, демонстрируя вертикальный рот с острыми зубами и полное отсутствие глаз.

— Сними его, — прошу я Киндру, напряженно всматриваясь в дорогу.

Кориолиты начали бросаться прямо на машину — не на вездеход, а в те места, куда он должен был повернуть. Но я лавирую быстрее, чем они достигают транспортного средства.

Киндра приоткрыла окно, вытянула свою руку на несколько метров и пощелкала пальцами в стороне от вездехода: реагируя на движение, слепой наездник прыгнул на источник щелчков — и улетел вдаль, в свою естественную среду обитания.

Впереди его сородичи толкают спиральные стволы, выталкивают их на просеку.

— Они меняют форму дороги, — догадываюсь я.

— Они ведут нас! — кивает Саймон. — Они заманивают в ловушку!

Кориолиты работают как волчья стая: одни загоняют, другие ждут впереди. Вот только я иду по следу похитителей Рэйвора, направление просеки мне совершенно не интересно, куда бы они его ни выкручивали.

Снова лазурные вспышки. Не далеко. Похоже, наши спутники так и не поняли, как вести себя в этом лесу. Им стоило переговорить с местными грибниками, которые совершенно не боятся ходить сюда даже без оружия. Правда, нам их методы сейчас не помогут, мы не можем по полчаса сидеть без движения.

Одна из «теней» сорвалась сверху — древо-образный хищник прыгнул, вероятно, предугадав наше местоположение по движению травы под нашими колесами на расстоянии. Он тяжело ударился о стекло — хищные пластины заскребли по броне.

Киндра процедила:

— Они меняют тактику.

Деревья сдавливаются. Кориолиты толкали стволы, заставляя их сплотиться. Просека сужается, лишая меня пространства для маневра и постепенно полностью замыкая проход.

— Попробуем в обход, таран не сработает, — говорю я, выезжая между деревьями в сторону, едва успев до того, как места стало недостаточно, — Следите за следами колес, втроем мы не потеряем их из виду.

— Вчетвером, — сдавленно поправляет Саймон. Я краем глаза вижу, до чего он шокирован, напуган и дезориентирован. Должно быть, еще с момента переворота. Узник лаборатории явно не был готов к таким приключениям.

Внезапно справа мелькнул лазурный отблеск: Пантан и его команда двигались параллельно нам. Мы их нагнали.

— Что теперь? Скинуть скорость? — спрашивает Эстебан, понимая, что мы легко опередим их.

— Тогда мы завязнем в кориолитах. Они видят нас? — спрашиваю я.

— Черт их знает, вроде, у них свои хлопоты. Но я вижу ловца... И какие-то дыры в крыше. С ржавчиной, — говорит Киндра.

— Аккумуляторная кислота натекла, — догадываюсь я.

Обгоняя их, я вижу, как их машину облепляют кориолиты. Со всех сторон. Включая ловца истребителя.

— Нет, так не пойдет. Они могут разомкнуть его хватку, там Рэйвор, — говорю я, поворачивая руль в их сторону, — Саймон, открой окно и используй электро-импульсный кастет. Направляй его куда угодно, где ты создашь движение.

— Понял, — максимально неуверенно ответил Саймон, открывая окно с таким видом, будто его отправили бороться со всеми этими кориолитами голыми руками.

Киндра выскользнула через окно, на ходу меняя форму. Ее рука, держащаяся за ручку внутри салона, загрубела и отрастила мощные когти, а тело вытянулось и расширилось, обращаясь в некое подобие воздушного змея. Так выглядело со стороны, но внутри тела она не меняла структуру, лишь распуская кожу, как незавершенные выкройки. Я знал этот режим — он был эффективен, но прожорлив. Подтянуть кожу обратно было сложнее, чем ее отпустить. После этого Киндра обычно на время теряла точность в более сложных превращениях.

Кориолиты мигом заприметили движение большого масштаба, подобно флагу плывущее над нашим вездеходом. Тут и импульс кастета Саймона содрогнул рядом с нами дерево, другое, третье. Не знаю, как видят мир кориолиты, но такой масштаб движения они должны считать как большую добычу. Сочную, вкусную, хватит на всю стаю.

Мы переключили на себя внимание. Древесные монстры оставили в покое вездеход похитителей Рэйвора, отвязались от ловца и помчались за нами.

— Киндра, давай обратно, — крикнул Эстебан, — Саймон кастетом будет подогревать их интерес.

Киндра сложилась, заползла обратно через приоткрытое окно и вернула свое обличье.

Я снова выкрутил руль, чтобы не потерять наших удалых рыцарей из виду. За нами хвостом неслись кореолиты, перепрыгивая с дерева на дерево.

— Подкрепление в десяти минутах, к нам летят дроны, — докладывает Эстебан, глядя в наручный коммуникатор, — Спецназ тоже едет, но подальше.

— Спецназ уже показал себя на похоронах, Больдо выслал нам каких-то полудурков. Эти будут такие же? — фыркнул я, надеясь, что меня слушают и записывают, потому что то, как себя проявили подопечные Больдо — его крупный недочет.

Впереди показался выход из леса — широкий, освещенный. Похитители детей уже нырнули в него, я видел, как они оглядывались на нас в окно. Похоже, они не сразу поняли, друзья мы или враги, но сейчас точно узнали вездеход, который был на церемонии погребения.

Перед нами выросла стая кориолитов, часть попрыгали на деревья, обнимая их стволы и склоняя их к земле. Должно быть, этот прощальный бросок предназначался не нам, а нашим

предшественникам, но скорость животного царства значительно уступает им. Мы получаем чужой подарок.

— Вот тут я пойду на таран, — говорю я, — Фокус с переворотом был неповторимым единичным вдохновением.

— Спасибо за это, — слышу я Саймона.

Вездеход рванул вперед, пробивая стаю. Хищники отлетали от брони, как рваные тени. Они хрустели под колесами, но цеплялись, тянули когтями, пытались нас остановить.

Машина выпрыгнула из леса.

Впереди сверкает река. Туман слегка стелется над водой. Я прибавляю скорости, чтобы быть ближе. Вижу: Пантан, практически без доспехов, высунулся из окна почти по пояс. Держит в руке кристалл, делает замах и бросает его в воду, едва их вездеход с брызгами рассекает мелководье. Мгновенно поверхность реки покрывается вязким черным пятном, отражающим солнце. Масляная пленка позволяет вездеходу похитителей уверенно скользить по воде, словно по твёрдому льду.

— Откуда у них... А, да ладно, — вздыхаю я.

— Сбавляй скорость, дроны здесь, — говорит Эстебан, — Держи дистанцию и дай им работать.

— Они же знают, что Рэйвор на крыше?

— Разумеется, — отвечает Эстебан.

Мы чуть отдаляемся, хотя дронов пока не видно. Я вглядываюсь в туман и уже собираюсь спросить, где же они, но происходит явление: сперва их тени падают на туман, а потом появляются они сами. Дроны-стрекозы — в сущности, прототипы истребителя-ловца, но для других задач. Ловкие и маневренные, как настоящие стрекозы, жесткие и опасные, как боевые дроны.

Смертоносные машины спикировали к вездеходу похитителей, образуя вокруг него кольцо. Мы следовали на почтительном расстоянии.

Но Пантан как будто был готов: он достал огнемёт и, разбрасывая струи пламени в сторону дронов, совершенно застал врасплох парочку из них. Остальные шумно взвизгнули и уклонились, но один из них закружился юлой, обращаясь огненным смерчем, и ухнул вниз, пробивая масляную поверхность и поджигая удерживающий нас на воде слой.

— Ускоряемся, — говорю я.

Огонь быстро распространился по поверхности, догнав нас с считанные секунды.

— Арл, мы горим, — с тревогой в голосе сказал Эстебан.

— Поэтому мы и ускоряемся, — говорю я.

— Арл, нам надо под воду сейчас, — в голосе Саймона звенит ужас.

— Отменить панику. Мы едем на аккумуляторах с гидрогелевой оболочкой, мы не взорвемся. Зато под водой мы либо утонем, либо задохнемся, когда в салоне кончится воздух. Надо просто доехать до берега, — я стараюсь скрыть собственную тревогу, потому что весь наш вездеход полностью охвачен пламенем, и из-за черного дыма я мало что вижу впереди, а поверхность, по которой мы едем, тоже уязвима: огонь быстро разрушает ее, лишая нас возможности держаться выше воды. Риск утонуть высок, катастрофически высок.

В небе блестит шелестящее серебро — дроны-стрекозы перегруппировываются с учетом допущенных ошибок. Никто из нас не подозревает, какие еще козыри есть в рукавах похитителей. Черный дым мешает мне разглядеть вездеход. Я не знаю, насколько жаростойким является ловец-истребитель, и не вижу, обгоняет ли вражеский вездеход пламя, или он, как и мы, уже превратился в огненный шар.

Я смотрю вверх. Беркут Пантана включил свой модуль самонаведения. Взмахнув крыльями, он устремился к дрону. Лезвие выстрелило из его нагрудного модуля и точно попало в критическую точку: дрон взорвался серебристой искрой, и его осколки разлетелись по стремительно обнажающейся воде.

Я увожу машину в сторону, чтобы не попасть под падающие части сбитой машины. Через черную копоть на стекле я вижу, как из окна вражеского вездехода высовывается светловолосый и направляет свой посох на ближайший дрон. Летательный аппарат выкручивает, как будто это свежевystиранное белье, которое нужно хорошенько отжать. Искореженная гряда металла падает, пробивая с хрустом корку на воде. На секунду наш вездеход опасно покачнулся, частично попав в область исчезающей пленочной опоры, но мне удалось вернуть ему равновесие.

— Это вот от этого посоха ты меня загородил своим телом? — спрашиваю Эстебана.

— Ну да. Только ты это, больше перед ним не стой. Мне не понравилось.

Я гоню на пределе возможностей, быстрее, чем огонь разрушает опору, но все еще недостаточно быстро. Весь этот хаос сопровождается ревом двигателя похитителей, всплесками огня, черным дымом, искрами от поврежденных дронов и моей паникой за ловца-истребителя с Рэйвором на крыше.

Масляная поверхность шипит под колесами, нагретая огнем до кипения, я мастерски дрифтую, как только вижу песчаный берег. Грубое торможение колес разрушает остатки пленки и мы проваливаемся под воду практически целиком. Огонь, охвативший наш вездеход, гаснет. Я направляю машину к берегу, мы катимся по дну.

— Арл, я твой фанат, — говорит Эстебан, — Я, кажется, немного описался от восторга.

Выезжая из воды, я вижу запутавшиеся в противоавиационной сети дроны, наполовину утопленные. Их переломанные крылья двигаются, но у них нет никакого шанса выбраться, а даже если мы их освободим — со сломанными лопастями они бесполезны.

— Они чрезвычайно хорошо подготовлены, — замечает Саймон.

Мы продолжаем погоню. Я вижу их вдалеке: их вездеход, очевидно, не подвергся атаке огнем. Кажется, их вообще ничто не задело. Кроме кислоты из аккумулятора ловца-истребителя.

Я достаю бинокль из бардачка и присматриваюсь.

— У них крыша дырявая, заднее стекло отходит. Нет никакого шанса, что солнечная батарея уцелела. Как только кончится заряд, они встанут, — говорю я.

— Как скоро он кончится? — спрашивает Эстебан.

— С учетом уже пройденного, часа через два. Но я сомневаюсь, что они заправились в Мертвом Городе. Они в него откуда-то приехали. Так что меньше.

— Если не сидели в засаде, — отмечает Саймон.

— Думаешь, желающие похитить детей будут сидеть в засаде до конца ритуальной церемонии, чтобы не потревожить наших чувств, и только потом украдут ребенка? Которого я должен оберегать и не дать его огню погаснуть, — говорю, не скрывая раздраженное рычание.

Мелкий снег начинает усиливаться. Чем дальше мы едем, тем заметнее холодает. Впереди показались горы. Отличное место, чтобы спрятаться навечно. Здесь ютятся все беглые преступники, правда, иногда их вылавливают местные зверяне. Они куда более дикие, чем мои друзья из Одаринна. И я совсем не считаю предосудительным то, что пойманных преступников они делают своим скотом. Аж душу греет, когда вижу, как антропоморфный кот ведет за поводок какого-нибудь душегуба или впрягает в телегу, чтобы довести тяжести до своей норы.

— Давайте подумаем. Если мы продолжим погоню, мы попадем в места, где кровь Эстебана замерзнет и он погибнет, — говорю я о слабом месте нашего хладнокровного друга, — Если мы сейчас их нагоним, что дело нескольких минут, мы можем дать им бой.

— Мы не в том состоянии, чтобы дать им бой. И понятия не имеем, какие еще прибуды у них с собой, — говорит Эстебан, — Партия спецназа едет по нашему следу, отстает меньше чем на час.

— Самый бесполезный спецназ в мире — не то, что может вселить в меня уверенность... Что они делают?

Длинноволосый высунулся из окна и на ходу что-то ищет в ловце-истребителе. Как будто пытается что-то достать. Его волосы треплет из стороны в сторону морозный ветер, плавно переходящий в метель. Мы едем по бугристой оледеневшей земле. Дальше бугры будут становиться все выше, пока не станут скалами, горными пиками и чем побольше. Этот сплошной каменный еж будет тянуться до самых айсбергов.

Наша продвинутая амортизация практически полностью сглаживает даже самые выдающиеся бугры, а вот старый вездеход похитителей подпрыгивает грузно и неуклюже, как вдруг...

Ловец-истребитель срывается с его крыши, и, кувыркаясь об обледеневшую поверхность так, что аж искры летят, катится на нас. Я уворачиваюсь и торможу, молясь всем богам. Внутри ловца точно нет условий для безопасности ребенка в случае аварии.

Сдаю назад, выхожу из машины. Быстро понимаю, что покореженное устройство пустое, но на всякий случай распахиваю все створки его кокона, чтобы убедиться еще раз.

— Видимо, он в салоне. Наверное, был там все это время. Его взяли живым, значит, таким он им и нужен, — говорит Киндра, появляясь рядом со мной, — Поехали.

Я задерживаюсь всего на минуту. Нюхаю внутреннее пространство ловца-истребителя, чтобы понять, не был ли Рэйвор ранен. Запаха крови нет, только режущие нос едкие испарения аккумуляторной кислоты. Это немного утешает меня, но недостаточно. Не все травмы кровоточат. Не все травмы получают за пределами салона вездехода. Едва ли люди с моральным обликом, позволяющим похитить трехлетнего ребенка, могут быть добры.

Мы вернулись в вездеход и продолжаем путь, теперь уже лавируя между все возрастающими бургами, постепенно превращающимися в маленькие скалы. Стена снега снизила видимость до пары десятков метров. Я снова ориентируюсь по следам, которые стремительно засыпает.

— Ты видишь? — кивает Киндра на темное пятно вдалеке.

— Это что, их машина? — шурюсь я, — О, да у них два левых колеса потерялись!

Я сбавляю ход и полностью останавливаюсь рядом со старой моделью вездехода. Выглядит потрепанно, но достойно. Видно, что заботились — до сего дня. Корпус не просто поцарапан, он полностью лишился всяких намеков на краску, но ни одной вмятины на нем нет, ни одного жука на стекле и дохлого зайца в бампере. Только два левых колеса отвалились. Видимо, пытались переехать внушительный бугор на большой скорости. Чудо, что не перевернулись. Я вздыхаю, думая, как мог пострадать Рэйвор, если бы вездеход покувыркался по каменистой почве.

— Подождите, — я выхожу из вездехода. Поток ветра едва не сбивает меня с ног.

Эстебан осторожно скользит за мной, точно челнок по воде. Можно подумать, у него ноги с гироскопом. Вижу, ему и правда полегчало за прошедшее время. Мне бы его регенерацию, меня все еще немного шатает и, кажется, моя реакция отстает на несколько секунд.

Эстебан похлопал меня по плечу и стремительно метнулся к сломанному вездеходу. Крупные хлопья снега падают на его пятнистые бока и не тают. Он тоже так себе боец, от переохлаждения рептилии перестают дышать, насколько я слышал. Или впадают в анабиоз, не могу вспомнить. В общем, если он сейчас же не вернется, у нас будет еще одна проблема.

— Здесь никого! — кричит Эстебан, — Надеюсь, не заминировано. Я не могу ждать! — он рывком открывает дверь, обшаривает весь салон, даже в бардачок смотрит. Я подхожу и осматриваю салон тоже.

Никаких личных вещей, оружия или запасов, походных принадлежностей и одежды нет. Следов борьбы в салоне тоже нет. Я ищу царапины или дыры в сидениях, рассуждая, что Рэйвор как минимум побрыкался бы от плохого обращения, но ничего такого нет. Впрочем, он мог и воздержаться. Он достаточно умен, чтобы оценить ситуацию и самостоятельно решить, подыграть или спорить, убегать или атаковать. Возможно, он решил быть тихим и послушным пленником.

Задние сидения продавлены сильнее, чем переднее. Мне представляются годы поездок в одном составе, массивные задницы крупногабаритной парочки бородатого и крупной леди греют одно и то же место, постепенно отпечатываясь в нем. Позади них нечто вроде жердочки для пресловутой птицы — вот тут следы когтей есть, но некоторые очень старые и все — одинаковые. Рядом с ней лежит обглоданная куриная кость.

В крыше вездехода сквозная дыра, под ней сидение прожжено. Я чую запах крови. Видимо, аккумуляторная кислота протекла на кого-то из людей. Это точно не кровь Рэйвора.

Смотрю на приборную панель. Немного топлива еще есть, буквально на двадцать минут. Солнечная батарея полностью негодна из-за кислоты. Я наполовину влезаю в салон и все обнюхиваю.

— Арл, давай сюда, — кричит мне Киндра.

Вглядываюсь в практически зарытые снегом следы. Единственное, что я могу сказать — это что их пятеро и они продолжили путь на север. Я поднимаю глаза в скромной надежде увидеть беркута, и, черт возьми, вижу его. Парит в вышине. Я возвращаюсь в вездеход, в нем оказывается неожиданно тепло на контрасте с улицей.

— За нами следят через беркута, — показываю я, — Следите за беркутом, и мы узнаем, где эти милые люди. Я очень надеюсь, что его выучили передавать увиденное, когда он садится, а не прямо с воздуха. Иначе мы провалимся у самой цели. А это очень, очень расстроит Рэйвора.

Я выдавливаю из вездехода максимальную мощность. Не знаю, как далеко он сможет забраться в горы, но рад, что наши аккумуляторы в хорошей форме.

Видимость отвратительная, следов больше нет. Я тщательно выискиваю дорогу между скал. Киндра следит за беркутом, как за перемещающимся темным пятном на небе, и направляет меня. Он кружит над нами, но пару раз делал крутое пике над одним и тем же местом, торчал на земле несколько минут и снова поднимался кружить. Его трудно разглядеть из-за снега. Следы колес были бы куда более удачным путеводителем.

Мы петляем между скалами, стараясь придерживаться курса. Птице хорошо — ничего огибать не надо. Иди мы напрямую, мы бы уже давно ее зажарили с картофелем. Я закидываю под язык стимулятор, чтобы восстановить силы, и продолжаю балансировать под опасными углами.

— Арл, меня скоро вырвет, — вздыхает Саймон.

— Попридержи для виновников торжества. Наблюдай им за шиворот, — советует Эстебан, — Хотя, у меня для них у меня есть что-то покрепче. Я тут выработал щипалку, — говорит он о яде в своем жале, — Милое название, да? Это как муравьиная кислота, только полегче, а то в моих количествах будет быстрая смерть, а я хочу, чтобы они страдали.

— Друг мой, я разделяю твою идею, но мы немощны и нас меньше. В данной ситуации я за быстрое убийство. Желательно, руками спецназа. Где он?

— Проехал вездеход, потерявший колеса, буквально только что. Если они водят так же хорошо, как ты, мы встретимся через 15 минут.

Беркут совершает крутое пике и скрывается за ближайшей скалой. Я огибаю ее, с трудом сдерживая волнение, ожидая встретить его хозяев, которым он помогает сориентироваться. Я замедляюсь и останавливаюсь за ближайшими скалами.

— Итак. Скорее всего, они там. И готовы нас встретить. А мы — не готовы, — констатирую я.

— К сожалению, у нас нет приборов, чтобы предварительно посмотреть... Киндра? — говорит Саймон, когда наша спутница, в значительной степени сплюсшившись, через щель в окне уползает за скалу, туда, где должен быть беркут.

— Уф, рискованно, зачем же так, я бы мог бы, — начал Эстебан, но Киндра уже скользит обратно.

— Их там нет. Беркут меня не видел, — говорит она, едва ее рот обрел нормальную форму.

Я поздно понял уловку.

Я подскочил со своего места и порывистыми шагами бросился к птице, даже не закрыв за собой дверь.

Они научили птицу сбивать со следа, а не помогать им с навигацией.

Беркут сидит на пустом месте между скалами. Смотрит на меня, а я — на него. Опасный клюв опускается, чтобы почистить перья. Он словно издевается надо мной, цинично и бездушно. Затем орет на меня мерзким голосом и взлетает.

— Должен признать, они меня впечатляют, — я расправляю крылья, — Ну, птичка. Полетаем.

Я взмываю в воздух, увлекаемый потоками воздуха. С места, без разгона. Метель диктует мне свое направление, пытается закружить на месте, смахнуть в сторону, как надоедливую букашку. Умело выбирая воздушные потоки, я жонглирую ветром, как крылатый эквилибрист, своим балансом задаю свое направление и думаю, что беркут неплохой компаньон — мощный, обучаемый и многофункциональный. Отличный выбор питомца. Как хорошо, что мои природные дарования позволяют мне вытеснить образ его хозяина в свою пользу.

Пока я преследую беркута, я думаю, где еще может быть ловушка. Целятся ли в меня с земли? Оснащен ли беркут бомбой? Может, они передали Рэйвора кому-то еще по воздуху, а это все — чтобы заманить нас в ловушку или увести в сторону? Может, его с ними и нет, и даже не было все это время.

Беркут делает поворот в воздухе, чтобы выпустить в меня парочку лезвий из своего нагрудного модуля, но я был к этому готов и легко уклонился. Его первая атака, с претензией на выкалывание моих глаз, хорошо научила меня быть осторожным.

Приближаюсь. Пернатый враг со страхом и удивлением на меня оглядывается. Вероятно, не думал, что кто-то в природе может поспорить с его высотой, размахом крыльев и парением в нелетную погоду. Или его не учили, что делать в таких ситуациях.

Ну-с, пернатая задница, все бывает в первый раз. Я хватаю беркута и фиксирую своим ремнем — он неубедительно пытается сопротивляться, но не тут-то было. Серия лезвий вылетает из его нагрудного модуля, в совершенно бесполезном направлении.

Я возлагаю нейриты на голову беркута и на лету корректирую его маленький мозг. Беркут успокаивается почти сразу.

Я снимаю с него нагрудный модуль и бросаю в сторону, но запоминаю ближайшие ориентиры. У меня нет уверенности, что он не заминирован, но он может пригодиться, если в нем есть отслеживающее устройство — по нему мы отследим наблюдающего.

Я опускаюсь рядом с машиной, взметнув в воздух облачко снежинок, занимаю свое место у руля. Я закрываю глаза, пытаюсь разобраться в птичьем восприятии пространства. Очень непривычная для меня задача.

Я освобождаю беркута, он садится у меня на коленях и доверчиво смотрит в глаза. Я целую его в клюв, держа нейриты на его затылке. Птица принимает ласку, как если бы я был ее хозяином. Что, в ее измененном сознании, соответствует действительности.

Саймон с опаской смотрит на мой поврежденный отросток. Работает он, прямо скажем, с нареканиями: слишком медленно. Несколько минут перетасовки образов в птичьих мозгах, и беркут преисполнен благодарности и желания мне услужить.

Уверен, те идеи, которые я сумел ему внушить, помогут моему плану осуществиться. Я открываю окно и выпускаю беркута.

Ветер стих. Легкий снег посыпает наш вездеход. Наш путь вот-вот будет завершен.

Я думаю, зачем им понадобился Рэйвор и как они могут о нем позаботиться. Мне видится, что причина в политических играх, в которых Рэйвор, как большая ценность для Техносора, может стать предметом торга. Судя по количеству запрещенных технологий, они могут быть не просто осведомлены о внутреннем устройстве города, но даже осведомлены лучше нас.

Техносор ценит Рэйвора. Он единственный созданный естественным путем потомок весьма удачного гибрида, причем — способный продолжить род. Мы с Мартой — результаты многовекового поиска организма, который был бы идеально совместим с некоей эталонной формой вида, который никто никогда не видел вживую. Но если нас с Мартой и Киндру можно рассмотреть как неуклюже сшитых уродов из частей разных животных, то Рэйвор — гармоничное, естественное создание, имеющие все наши способности, скорее всего, в куда более мощном виде. Это мы узнаем точно, когда он подрастет.

Саймон говорил, что благодаря Рэйвору планируется невероятное поколение следующих гибридов, на его примере мы увидим все атавизмы, как мать-природа поступила с различными ошибками генной инженерии и все такое прочее. Ну золото, а не ребенок.

В общем, выбирая между Рэйвором и любым добром Техносора, король выбрал бы Рэйвора. Как победу в очень долгой генетической гонке к идеалу.

С другой стороны, меня тревожит мысль, что они могут не знать о ценности Рэйвора и о его особенностях. Не знать, зачем нужны нейриты и как с ними нельзя обращаться. В таком случае, они могут ему навредить.

— Что беркут? — спрашивает Киндра.

— Подает своим хозяевам сигнал, что мы надежно обмануты и путь в убежище открыт, — поглядев на небо, отмечаю я.

— Как он это делает? — спрашивает Саймон, глядя в небо недоуменно.

— С помощью танца. Ну или типо того, — говорит Эстебан, — Спецназ немного тормозит из-за сложности дороги. Я в него больше не верю. А кстати как мы узнаем, где убежище?

— Он спикирует, чтобы они взяли его с собой. Но, да, это будет в последний момент, поэтому нам надо быть очень близко.

— Как мы узнаем, где близко?

— Он летает восьмеркой. Ее центр — над нужным местом. Точность до 50 метров.

— Хотелось бы точнее.

— Это да, но что есть то есть.

Я сбавляю ход, опускаю стекло и поднимаю уши. Может быть, мы услышим, как они переговариваются. Но пока я слышу только скрип снега под нашими колесами, да отдаленный гул ветра, впрочем, они похожи.

— Эстебан, я бы хотел оставить машину здесь. Мы шумим.

— Я мигом, — отзывается он и сует нос в ящик с поклажей. Извлекает оттуда несколько нательных обогревателей и облачается в них, — Плюс два часа жизни. Я готов.

— Остался бы ты. У тебя ноги отколются.

— Пошли уже. Отрастут. Кстати, легенда гласит, что оседлавший рептилию обретает невероятное ускорение. Хотите проверить?

Я остановил вездеход и сбавил обогрев.

— Каков наш план? — спрашивает Эстебан.

— Увы, импровизировать. Первым делом, конечно, Рэйвор, потом уже заслуженная кара и надругательство над телами убитых.

— У вас нет шансов ни над кем надругаться, — констатирует Саймон, — Идите по их следу, до самого убежища, но дальше не суйтесь. Вы небоеспособны.

— А они, значит, закроются в своем логове, — начинаю я спорить, но он перебивает меня.

— Мертвый отец не может сохранить огонь сына горящим. Если вы сейчас пойдете в бой, вы все погибнете. Кто будет его искать? Спецназ, который встает в самую дебильную позицию вместо того, чтобы нас защищать? Который не может проехать по ухабам, по которым ездит дипломат, который вообще головой работает, а не баранку крутит? Арлахазар, — он сурово посмотрел на меня, и я аж сжался, как ребенок, которому выговаривает родитель, — Если лично ты погибнешь, твои навыки не заменит никто. Никто не будет так полезен в спасении Рэйвора, как ты. Надеюсь, это тебе понятно. И вы все, — перевел взгляд Саймон, — Вы все — жизнь созданная мною. Вы мне как дети. Я запрещаю вам идти в бой.

— Мы проследим, — помолчав угрюмо, соглашаюсь я, — И точка.

— Я пойду с вами и прослежу, чтобы вы просто проследили, — кивает Саймон.

Мы выходим и шагаем по обжигающе холодному снегу. Наша одежда совсем не предназначена для таких прогулок. На спине и брюхе Эстебана — несколько прямоугольных пластин, от которых пышет жаром.

Не имею понятия, что тут за убежище. Все карты говорят, что на километры кругом — горы, ничего, кроме гор. Ближайший город — три часа на запад.

Мы идем по низине между скалами. Здесь растут корявые, жалкие елочки. Киндра следит за беркутом через бинокль.

— А что, если опять ловушка? Наш вездеход угонят, — шепчет Эстебан.

— Животные не могут врать в своих мыслях. И перестроить их легко.

— А если наврали беркуту?

— Это глупо. Они не знают, что я могу с ним взаимодействовать, — качаю я головой, однако, начинаю тревожиться. Может и знают. Их осведомленность совершенно непонятной природы и ее границы непредсказуемы.

— Они подозрительно много знают, — добавляет Киндра.

Я останавливаюсь, упираю руки в бока. И что теперь, черт возьми, делать?

Киндра уже собирается что-то сказать, но тут мы слышим голоса сверху. Мы пригибаемся, стараясь исчезнуть под молодыми пушистыми елками. Эстебан слился с фоном, повторяя белизну снега и окрас елок. Мол, я не рептилия из Техонсора, я висящие на ёлке пластинки, пышущие жаром. Впрочем, они не особо заметны.

— Мы на верном пути, точно тебе говорю, — слышим звонкий голос.

— Мы уже три низины обошли. Скажи просто, что мы не найдем его, — звучит тяжелый бас.

— Я там уже бывал, значит, найдем.

— Может, Кассандра освежит твою память? — другой голос.

— Отвали от моей жены, я запретил тебе даже думать в ее направлении — прогрехотал бас.

Компания показалась над нами, оглядели низину, в которой мы притаились. Их было пятеро. Здоровяк с бородой, большая женщина, видимо, Кассандра, выглядевшая возмущенной и рассерженной. Изящный длинноволосый блондин с посохом, как ни парадоксально, одетый в те же атрибуты заклинателя погоды — простую белую рубашу и коричневые штаны, без обуви. Двое молодых крепких мужчин, один немного выше и шире другого. В том, что пониже, я узнаю Огирлая, кровного родственника Дора Фаго, который считается лояльным Техонсору человеком. Которого мы продвигаем на престол, в своих, конечно, интересах, и который осведомлен кое-о-чем в нашей политике.

За их плечами внушительных размеров рюкзаки — точно в поход собрались. Я бегаю глазами по их фигурам с замиранием сердца. Где Рэйвор?

— Вот вход, — наконец, показывает блондин своим посохом в конец нашей низины.

— О, силы небесные, — вздыхает Огирлай.

Они начинают спускаться буквально в десяти метрах от нас. Я переглядываюсь с Саймоном, его взгляд тяжелый и суровый, и давит на меня, как будто мне на голову положили кирпич с надписью «Я запрещаю тебе это делать».

Я высовываю кончик нейрита из рукава и нахожу контакт с Киндрой. Мы разрабатываем план. Другим нейритом я нахожу затылок Эстебана, чтобы передать ему наши идеи. Ментальный контакт вызывает обжигающую боль в моей голове, однако, мне удастся передать свои мысли и услышать их ответ.

— Так, — тяжело дыша, говорит бородач, — На сколько у нас провианта?

— За это не беспокойся, там есть, что поесть. Главное — фонари, — важно объясняет Пантан, — Через пару недель спокойной прогулки, мы дойдем до адресата.

— И узнаем, на кого работали все это время, — добавляет бородатый.

Блондин направляет посох на зазор между двумя каменными глыбами. Не вижу, куда он нажал или что повернул, но валуны разошлись, обнажая темный коридор, плавно уходящий в землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.